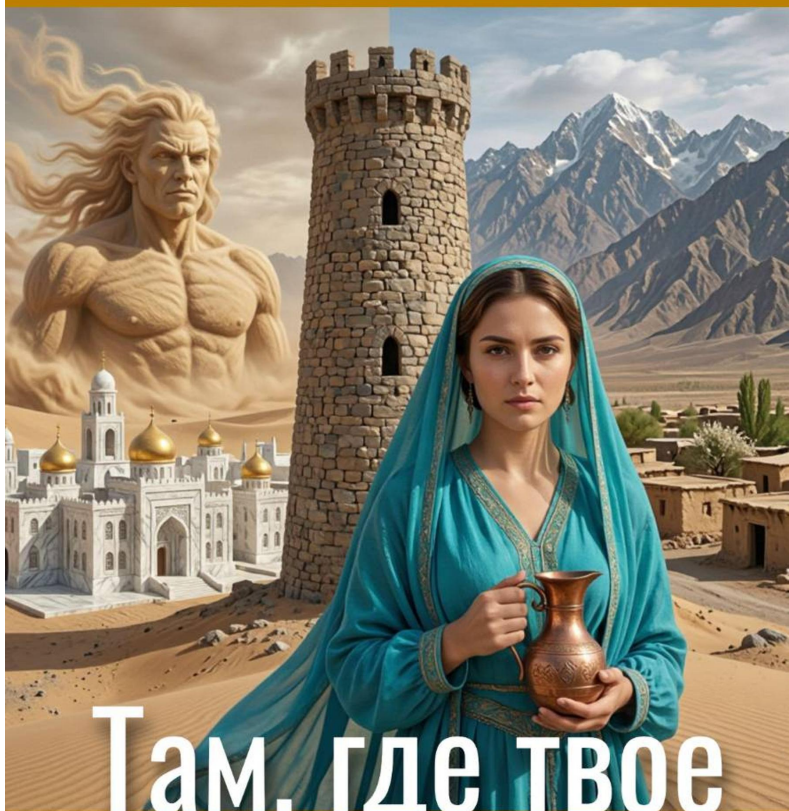

Светлана Весельева

Там, где твое
сердце

Светлана Весельева

Там, где твое сердце

<https://litres.ru/74652734>

SelfPub; 2026

Аннотация

Чтобы спасти свой город, дочь эмира должна выйти замуж за колдуна. Лейла выбирает свободу — и теряет всё. Много лет она идёт через пустыню с песчаным дивом в кувшине, ища дорогу домой. А когда находит её, узнает: прекрасный город погиб триста лет назад. Как вернуться домой, если одни дороги ведут через время, а другие проложены только в один конец?

В книге вас ждет:

1 Пустыня, в которой живет магия.

Оазисы, древние города, караваны, песчаные бури и тайны, которые умеют ждать столетиями. Здесь нет времени, здесь есть только вечность.

2 Героиня, которая не хочет быть «правильной дочерью эмира».

Лейла однажды послушалась всех, кого только могла послушаться. Теперь она сама решает свою судьбу.

3 Песчаный див, который совершенно не хочет ей помогать.

Он злой, язвительный, мечтает о свободе. И все время оказывается рядом, когда Лейле трудно.

4 Теплое послевкусие в финале.

Иногда самое важное сокровище оказывается совсем не там, где его искали.

Обложка сделана при помощи нейросети.

Содержание

Глава 1. Долг эмира	5
Глава 2. Клетка, закрытая на тысячу замков	16
Глава 3. Говорящая с ветром	29
Глава 4. Песчаный див	39
Глава 5. Караван	51
Глава 6. Призрачный караван	59
Глава 7. Песчаная буря	72
Глава 8. Мертвый город Бахруд	84
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Светлана Весельева

Там, где твое сердце

Глава1. Долг эмира

У эмира был необычный гость. Об этом шептались служанки с самого утра и опускали глаза, стоило Лейле оказаться рядом. Она ловила на себе встревоженные взгляды, больше любопытные, чем испуганные.

Жизнь во дворце была скучна своим однообразием. Лейла чувствовала, когда происходило что-то интересное, как кошка чувствует мышь. Дочь эмира была слишком любопытной, чтобы быть послушной.

Ещё в детстве, играя с братьями в прятки, она случайно обнаружила потайную комнату, из которой можно было наблюдать за залом аудиенций. Комната так и осталась тайной. Лейла не стала делиться ни с кем своим открытием.

Сначала она злила братьев, не могущих найти её и поэтому проигрывающих в игре. Теперь она пряталась там, когда хотела послушать, о чём говорит отец со своими гостями.

Гость, которого ждали, не был чужеземцем. Это всё, что Лейле удалось узнать.

Оставив служанку во внутреннем дворике, Лейла пробралась в тайную комнату, поднялась по каменным ступеням и

села на пол, поджав под себя ноги. Квадратное окошко состояло из маленьких дырочек, искусно скрытых с обратной стороны арабесками.

Зал для аудиенций был огромным. Наверное, он мог бы вместить целую армию, если бы в этом возникла надобность.

Эмир восседал на установленном на возвышении троне из чёрного дерева, украшенном золотом и рубинами. От Лейлы его скрывал балдахин из зелёного шёлка. Но Лейла и так знала, что отец сидит очень прямо и смотрит поверх головы гостя. Рука эмира лежит на рукоятке украшенного драгоценными камнями кинжала. А у ног спит чёрная кошка Дуду, которую, в отличие от Лейлы, на аудиенции пускали.

Рядом с тронем, чуть согнувшись в вечном поклоне, замер старый визирь в шелковом кафтане и сложенными на животе руками. Когда в детстве Лейлу ругали за шалости, ей всегда грозили, что замуж она пойдёт за визиря Касыма, который уже тогда был старым.

Лейла рассматривала зал через дырочки в окошке и с нетерпением ждала, когда появится гость. Может быть, ей даже повезёт услышать интересные истории о путешествиях и лежащих за пустыней городах. Она никогда не покидала дворец, и истории путешественников казались ей чудесными сказками. Разве может быть что-то за пустыней? Пустыня ведь бесконечна.

Дверь в зал открылась, вошёл слуга, поклонился и объявил прибытие гостя:

— Малик-аль-Джад, повелитель!

Лейла вздрогнула. В комнате вдруг стало жарко, и Лейла потянула за горловину платье из тончайшего изумрудного шёлка.

Имя колдуна произносили во дворце шёпотом, чтобы не навлечь на себя несчастья. От нехорошего предчувствия в груди стало тесно.

Эмир кивнул, разрешая посетителю войти. Лейла прислонилась к решётке окошка носом, чтобы лучше рассмотреть гостя.

Колдун был невысокого роста, сгорбленный, с головы до ног укутанный в чёрный плащ. Открытыми оставались только глаза. Малик-аль-Джад шёл медленно, опирался на посох, украшенный набалдашником в виде серебряной кобры с глазами-рубинами. Недалеко от трона он остановился и поклонился.

— Что привело тебя в мой дом, Малик-аль-Джад? — спросил эмир.

Лейла глубоко вдохнула, вдруг осознав, что перестала дышать, следя за колдуном. Она знала, о чём пойдёт речь. Все во дворце знали. Поэтому прятали взгляды. Неужели её время пришло?

— Да подарит Всевышний этому дому вечное процветание и счастье! — снова поклонился гость. У него был скрипучий старческий голос. — Меня привёл в твой дом сон. Всего лишь сон, мой повелитель.

Гость засмеялся, покачивая головой.

— Что же это был за сон? — спросил эмир.

Лейле показалось, что голос отца звучит настороженно

— Снилось мне, о великий, что в мою чашу, полную воды, упала луна. Была она так прекрасна, что я не мог отвести от неё взгляд. У той луны были глаза цвета тёмного мёда и каштановые кудри. Её стройный стан был подобен кипарису. Требуется ли тебе, о мудрейший, толкование этого сна? — медовым голосом заговорил колдун.

— Нет, Малик-аль-Джад, толкование мне не требуется. Но Лейла ещё ребёнок. Подожди два года и сможешь забрать её, — беззаботно сказал эмир и махнул рукой.

Лейла прошептала короткую молитву. Отец защитит её! Обязательно защитит. Он всегда говорил, что нет такого врага, от которого невозможно откупиться. Он ведь знал, что этот миг придёт и что-то придумал. Даже если он выторгует всего два года, это даст время подумать. Лейла уговаривала себя, но в глубине души уже разрасталось отчаяние.

— Разве твоя дочь не достигла брачного возраста? — удивлённо спросил старик.

— Достигла. Но не доросла. Так бывает с избалованными девочками. Ей всё ещё хочется играть в куклы, — с притворным сожалением в голосе ответил эмир.

— Ты говоришь мне неправду, о могущественный, — укоризненно сказал старик. — Но даже если бы это была правда, твоей дочери не запретят играть в куклы в моём дворце.

Он поднял голову и посмотрел вверх. Лейла отшатнулась и спряталась за стену. Глаза у старика были незрячие, белые. Но смотрели они точно туда, где сидела дочь эмира. Она прижала ко рту ладонь, тихо звякнули тонкие золотые браслеты. Неужели он увидел её? Но как?

— Ты смеешь обвинять меня во лжи? — грозно спросил эмир.

Выпрямился у трона визирь, готовый принять приказ о наказании дерзкого старика. Его глаза вопросительно уставились на эмира. Стражники приготовились обнажить ятаганы.

— Разве ты можешь наказать меня, о великий эмир Азиз? — с насмешкой в голосе спросил старик. — Меня, человека испившего из источника бессмертия и держащего в руках судьбу этого города?

Лейла снова приникла к окошку. Колдун больше не смотрел в её сторону.

— Я вспылil, Малик-аль-Джад, — примирительно ответил эмир. — Прости мне эту грубость, она недостойна правителя.

От удивления Лейла на мгновение перестала бояться. Она никогда не слышала в голосе отца раскаяние. Было любопытно увидеть лицо повелителя. Но шелковый полог скрывал эмира от глаз его дочери.

— Ты, вероятно, забыл, с кем разговариваешь, повелитель, — покачал головой старик. — Я тебе напомню.

Он стащил с головы капюшон, обнажив голову. Лейла испуганно охнула и снова закрыла рот ладонями. Там внизу стало так тихо, что её вздох должны были слышать все.

Кожа на голове старика плотно обтягивала лысый череп.

Слепые глаза снова обратились к окошку, за которым пряталась Лейла. Ей казалось, что на неё смотрит скелет, давно уже растерявший сходство с человеком. Под крючковатым носом растянулись в улыбке тонкие губы. От этого лицо старика приобрело зловещее хищное выражение.

— Ты говоришь с королём колдунов, повелитель, — грозно выкрикнул Малик-аль-Джад. — С человеком, победившем водного дива. С тем, кто лишит город воды в тот самый миг, когда ты откажешься платить по счетам. Этот город стоит среди пустыни уже пятьсот лет. Это я даю ему жизнь! Когда твой предок Мурад Грозный пришёл ко мне и умолял избавить его от власти водного дива, забирающего у города воду, мы заключили договор, который будет исполнять каждый эмир, пока я жив. Я даю воду городу, а каждый правитель отдаёт мне свою дочь. Твой предок, эмир Мурад Грозный, хотел обмануть меня. Он спрятал свою дочь, а мне отдал рабыню, одетую как госпожа. Ты, конечно, слышал об этом. Может быть, даже читал в дворцовых книгах. Хочешь увидеть своими глазами, что будет, если ты последуешь его примеру?

И не дожидаясь ответа, старик стукнул посохом. Рубиновые глаза кобры на набалдашнике загорелись изнутри кро-

вавым светом. По полу, устланному толстым зелёным бухарским ковром, пополз туман. Клубами он заполнял зал, поднимался к высоким витражным окнам, расплзался по стенам, украшенным арабесками. Колыхнулся шелковый полог над троном, словно по залу пролетел сквозняк. Лейла начала шептать молитву, но прервалась, забыв слова от страха.

В тумане появились ясно различимые фигуры. Лейла видела городские дома и белые мраморные стены дворца, окружённые зелёными садами. Фонтаны, рассыпающие блестящие на солнце капли. Павлинов, важно вышагивающих по внутреннему дворику среди цветущих роз. Эмир Мурад Грозный вёл к фонтану девушку, одетую в красное свадебное платье.

Лицо невесты скрывала расшитая золотом вуаль. Эмир передал её руку мужчине в синем шелковом кафтане. Мужчина поднял вуаль невесты, и лицо его исказилось злобой. Лейла услышала, как громко стучит посох по мраморной плитке. Красный шёлк свадебного платья вспыхнул, языки пламени потянулись к лицу несчастной невесты.

Девушка с криком бросилась к фонтану. Но там больше не было воды. Чаша фонтана была заполнена песком. Песок засыпал стены дворца, мёртвых павлинов, высохшие стволы деревьев. Лейла видела людей, протягивающих руки к небу, умоляющих о дожде. Тела людей, не выдержавшие многодневной жажды, лежали на засыпанной песком земле, и некому было хоронить их.

Лейла прижалась лбом к холодной решётке. Сердце коло-
тилось так сильно, что, казалось, его стук должен был услы-
шать весь зал.

Уж лучше так! Пусть она вспыхнет, как та несчастная, ко-
гда колдун прикоснётся к её руке! Пусть она погибнет до то-
го, как Малик-аль-Джад введёт её в свои покои.

Лейла слышала эту историю в детстве. Колдун пришёл за
Сафие — дочерью эмира Мурада, и, получив отказ, чуть не
уничтожил всех жителей города и семью эмира. Сафие по-
том сама просила колдуна взять её в жены и простить отца,
когда город был почти полностью занесён песком.

Маленькая Лейла представляла себя прекрасной и
несчастной Сафие, пожертвовавшей собой ради семьи и под-
данных. Теперь, когда колдун пришёл за Лейлой, она больше
не хотела спасать людей ценой своей жизни. Можно сколько
угодно называть самоотверженность благодетелью, пока она
касается кого-то другого.

Колдун стукнул посохом об пол, и видения исчезли.

— Пусть это послужит уроком каждому, кто увидел, —
сказал колдун.

Лейле показалось, что он обращается к ней. И в душе её
страх вдруг сменился гневом. Она не позволит обращаться с
собой как с жертвенной овцой! Она дочь эмира! Не рабыня,
не безмолвное существо, неспособное за себя постоять. Она
расправила плечи, ожидая, чем закончится разговор.

— Малик-аль-Джад, — вкрадчивым голосом сказал эмир,

когда туман рассеялся. — Ты уже стар. Зачем тебе молодая жена? Она ведь даже родить тебе наследника не сможет.

— Мне не нужен наследник, — засмеялся колдун. Он был очень доволен произведённым эффектом, теперь эмир готов склонить перед ним голову. — Я бессмертен. Но ты прав, я стар. Бессмертие ведь не отменяет старость. Мне нужна заботливая, нежная, любящая жена. Приготовь свою Лейлу к следующей луне. Я не спешу и могу подождать ещё несколько лет, как ты того хочешь. Но дочери эмиров смертны. Они стареют. Их красота увядает. Зачем мне некрасивая старая жена? Разве это достойная плата за жизнь города? Скажи мне, мудрейший!

— Я мог бы дать тебе золото. Очень много. Здесь часто останавливаются караваны, везущие товар из Китая. Я могу заплатить за воду любыми сокровищами. Скажи, может быть есть у тебя мечта? — с надеждой спросил эмир.

Отец откупится! Он обязательно откупится. Лейла готова была отдать все свои украшения, все наряды, чтобы больше никогда не слышать о долге эмира.

— У меня достаточно золота, чтобы покрыть им стены всех домов в твоём городе, о щедрый эмир, — колдун поклонился. — Зачем мне ещё? Мне кажется, или ты хочешь нарушить договор? — колдун снова стукнул посохом, и из углов зала поползли по ковру песчаные щупальца.

Песок засыпал ковёр, подножие трона, расшитые золотом башмаки визиря. Касым стал топтаться на месте, стряхивая с

обуви песок. Лейла видела, как сильно он был напуган. Если бы он не боялся расстаться со своей головой по повелению эмира, то уже выбежал бы из зала. Если эмир созовёт совет и спросит, как избавиться от колдуна, Касым предложит отдать тому не только Лейлу, но и всех молодых девушек города. Лейла брезгливо поморщилась.

— Ну что ты, Малик-аль-Джад? Разве могу я хотя бы помыслить об этом? Я просто любящий отец, который не хочет расставаться с дочерью, — ласково заговорил эмир.

— У тебя ведь много женщин в гареме, пусть родят ещё дочерей, — усмехнулся колдун. — Так не забудь, эмир, я приду за Лейлой на следующее полнолуние. Пусть на ней будет красное свадебное платье. И пусть она будет покорной. А иначе ты войдёшь в память людей как эмир Азиз Последний.

— Малик-аль-Джад, как поживает моя сестра Фатьма, дочь моего отца, которую ты забрал себе в жены? Мы ничего не слышали о ней с тех пор. Здорова ли она? Можно ли передать ей подарок? — спросил эмир.

— Не волнуйся, эмир Азиз, она уже освободила место для твоей дочери. Ей больше ничего не нужно.

Колдун повернулся спиной к эмиру и пошёл к выходу. В зале повисла тишина, и Лейле казалось, что она слышит, как шуршит песок под ногами колдуна.

Она прислонилась спиной к стене. Мысли путались, бес толково насккивали друг на друга и теряли окончание.

Что, если отец не заступится? Он любит её, но ведь и эмир

Мурад Грозный любил свою дочь.

Когда Малик-аль-Джад вышел, Лейла ещё несколько мгновений сидела неподвижно, прижавшись спиной к холодной стене. В ушах всё ещё звучал его скрипучий голос и шелест песка.

Она медленно поднялась. Ноги едва держали.

Скоро отец позовёт её. Объявит о замужестве. Будет говорить о долге, о городе, о тысячах жизней.

Лейла сжала кулаки. Она упадёт в ноги. Будет молить. Кричать. Плакать. Она не даст принести себя в жертву просто потому, что пятьсот лет назад её предок расплатился её жизнью за жизнь города.

Но уже сейчас, спускаясь по узким ступеням, она чувствовала, что осталась совсем одна. И отчаяние катилось по её щекам злыми слезами.

Глава 2. Клетка, закрытая на тысячу замков

Лейла осторожно вышла из потайной комнаты и поспешила в свои покои.

С широкого балкона она видела, как колдун пересекает двор. Двое чёрных рабов идут следом.

Малик-аль-Джад остановился у фонтана и обернулся, посмотрел на балкон, по которому шла Лейла. Лицо колдуна озарила мечтательная улыбка.

Лейла ускорила шаг, закрывая лицо тонким покрывалом. Даже взгляд Малик-аль-Джада казался ей оскорблением.

Она прошла через внутренний дворик, увитый белой розой, источающей сладкий аромат.

— Мариам! — позвала она.

Из-за колонны вышла служанка в голубых шароварах и вышитом муслиновом платье, перевязанном кушаком.

— Слава Всевышнему, вы вернулись, госпожа! — воскликнула она кланяясь.

— Малик-аль-Джад приходил за мной, — сказала Лейла. — Сейчас отец позовёт меня, поспешим, Мариам. Мне надо...

— Колдун? Колдун приходил? — спросила Мариам и остановилась.

— Да... Он требует, чтобы свадьба состоялась на следующей луне. Я должна помешать этому. Я буду умолять отца помочь мне. Что ты там застряла, Мариам? — раздражённо воскликнула Лейла, заметив, что служанка молча стоит на ступенях.

— Госпожа, если вы не станете женой колдуна, мы все умрём, — тихо сказала Мариам.

— А если стану, то умру я. Или ты хочешь моей смерти?

— Что вы, госпожа? Да разве я могу этого хотеть? — испугалась Мариам.

— Тогда поспеши! — прикрикнула Лейла.

Она почти бежала по коридору. Подол её платья развевался, щёки покраснелись, брови сошлись на переносице. Отец был слишком ласков с колдуном. Неужели и он боится? Что, если он не станет ей помогать?

Оказавшись в своей комнате, она велела служанками выйти. Отец скоро позовёт её. Надо просто дождаться. От волнения Лейла не могла усидеть на месте. Она ходила по комнате, прислушиваясь к шагам в коридоре. Начала с отцом мысленный диалог. Уговаривала, предлагала спрятать её, увезти из города. Но всё это не годилось. Колдун найдёт её хоть в пустыне, хоть под землёй. Пытаясь отвлечься, она взялась за вышивание, но укололась иглой и бросила.

Подошла к высокой клетке, где сидела канарейка. Недавно кошка добралась до кенара, и птичка осталась одна. От тоски совсем перестала петь. Лейла кормила её, уговаривала

не грустить. Обещала, что обязательно купит для неё нового друга.

— Ты ведь как я, — сказала она птице. — Сидишь в клетке. Ждёшь, когда за тебя решат твою судьбу. И ничего не можешь изменить.

Лейла посмотрела на дверь. Служанка уже должна была прийти и позвать её к эмиру. Ожидание казалось бесконечным.

Лейла повернулась к клетке с птицей. Канарейка сидела на жёрдочке нахохлившись.

— Меня пересадят из одной клетки в другую, — сказала Лейла птице. — Все говорят, что я для этого родилась. Но ты...

Лейла взяла клетку, поднесла её к раскрытому окну и открыла дверцу.

— Улетай! — сказала она птице. — Лети, будь свободной! Найди сама свою любовь. Свей гнездо. Если бы я могла... Как ты...

Птица вспорхнула и полетела. Лейла смотрела ей вслед, с трудом сдерживая слёзы. Если отец не заступится, кто знает, в какую клетку посадит её колдун?

— Говорят, он пьёт кровь своих жён, — услышала Лейла. Она посмотрела вниз. Две служанки стояли под окном.

— Не может быть, — ответила вторая служанка. — Откуда ты знаешь?

— Моя бабушка гадает на зачарованных камнях. Она рас-

сказывала мне про Малик-аль-Джада. Он живёт в большом замке, который не виден людям. Своё сердце он поместил в кувшин, наполненный водой из источника бессмертия. Поэтому он не может любить и испытывать жалость. А кровь молодых женщин ему нужна, чтобы его старое тело не развалилось.

— Всё ты придумываешь, Мариам. Человек не может жить без сердца.

— И пятьсот лет не может жить, но ведь колдун живёт, — возразила Мариам. — Бабушка говорила, что, если вылить воду из кувшина, в котором лежит его сердце — колдун умрёт. Но никто не знает, где он хранит этот кувшин.

Лейла замерла, слушая служанок. Неужели за пятьсот лет никто не пытался убить колдуна? Отдавали ему невинных женщин и жили себе спокойно? Может быть, есть об этом записи в дворцовых книгах? Неужели её предшественницы покорно приносили себя в жертву? А может быть, так и надо? Что, если Лейла просто трусиха и боится исполнить свой долг?

— Мариам, — крикнула она из окна.

— Госпожа, — отозвалась служанка.

Она подняла вверх испуганные глаза, гадая, что могла услышать госпожа из её рассказа.

— Поднимись ко мне, Мариам, — велела Лейла.

В дверь постучали.

— Войди, — разрешила Лейла.

Она облегчённо улыбнулась. Отец зовёт её.

Вошли служанки. Они несли образцы тканей. Девушки не поднимали глаз, никто не улыбался. Последней вошла старая портниха.

— Что это такое? — разочарованно спросила Лейла.

— Повелитель приказал принести к вам самые лучшие ткани, — поклонилась портниха, — чтобы вы могли выбрать, из чего шить свадебный наряд. Взгляните, госпожа! Тончайший алый шёлк. Он струится, словно мёд. А вот гранатовый бархат. Потрогайте, какой мягкий, словно лепестки розы. Есть парча. Вот эту привезли на прошлой неделе караваном из Китая. Видите, какая тонкая вышивка? — портниха поднесла Лейле образец. — Есть тёмно-вишнёвый шёлк. А у этого полотна цвет как у розы, что растёт у большого фонтана...

Куски тканей разложили на тахте, и Лейле казалось, что постель её залита кровью. «Он пьёт кровь своих жён» — говорила Мариам под окном. Лейла почувствовала дурноту. Отец решил не говорить с ней. Не посчитал нужным утешить. Лейла обернулась на пустую клетку. Ей никто не откроет дверцу, как канарейке. Значит, она сама должна сделать это.

Лейла решительно направилась к эмиру, приказав служанкам ждать её в комнате. У зала для аудиенций она остановилась. Лицо её разбурчалось от быстрой ходьбы и сдерживаемого нетерпения.

— Я пришла увидеть отца, — сказала Лейла стражникам.

— Простите, госпожа. Эмир не может вас принять. Приходите в другое время, — ответил чернокожий раб, опустив глаза.

— В другое? — воскликнула Лейла и решительно двинулась к дверям, толкнула обитые железом створки.

Дверь распахнулась. Эмира в зале не было. Рабыни чистили ковёр, собирая песок. Лейла вошла в зал, посмотрела на тайное окошко. Его не было видно даже если знаешь, куда смотреть. Рисунок на стенах искусно прятал отверстия. Но колдун знал, что Лейла там, за стеной. Вспоминая его незрелые глаза, она поморщилась.

— Где сейчас повелитель? — спросила Лейла старшую служанку.

— Господин спустился в сад, пока будет длиться уборка, — поклонившись, ответила служанка.

Лейла решительно направилась в сад.

Эмир сидел в беседке, читал донесение. Рядом всё так же стоял старый визирь. Стражники замерли, сжимая в руках эфесы изогнутых сабель. В отдалении, склонив голову, стояла служанка. По саду плыл аромат жасмина и плетущейся по беседке розы.

Лейла шла по траве к беседке. Здесь было слишком много посторонних глаз. Надо было дожидаться вечера, когда отец удалится в свои покои. Там они смогли бы поговорить как отец с дочерью. А здесь при слугах придётся соблюдать при-

личия. Но ждать вечера не было никаких сил.

Увидев Лейлу, эмир поднял голову и молча ждал, когда она приблизится. Под холодным взглядом отца Лейле захотелось немедленно развернуться и убежать. Но незрячие глаза колдуна пугали её сильнее гнева повелителя.

— Разве я звал тебя? — спросил эмир.

Он отложил документ, который перечитал несколько раз. Смысл написанного ускользал, мысли возвращались к угрозам колдуна.

— Простите, повелитель! — поклонилась Лейла. — В мою комнату принесли ткани для свадебного платья. Но вы не сказали мне, кто станет моим мужем.

— Разве это имеет значение? Ты дочь эмира, ты должна быть послушна моей воле. Моя воля выдать тебя замуж. Иди выбери себе ткани на платье, — ответил эмир.

У него был усталый голос. Он потянулся за документом, давая понять, что разговор окончен.

— Но мой жених — колдун! — выкрикнула Лейла.

Удивлённо поднял голову визирь. Брови его поползли по лбу, собирая кожу гармошкой. Детей эмира учили почти-тельности к отцу раньше, чем они начинали ходить. Мыслимо ли такое поведение?

— Разве это что-то меняет? — в голосе эмира послышалась тоска.

Он тоже не хотел этого брака для своей дочери, но не видел другого выхода. В дворцовых книгах о невестах колдуна

были лишь скудные записи. Только имена. Теперь туда впишут имя его Лейлы.

— Я не выйду замуж за колдуна. Я не хочу жить с живым мертвецом в невидимом дворце. Я прошу милосердия и защиты! — Лейла опустилась на колени, склонила голову, оперлась ладонями на мягкую прохладную траву.

— Послушай, Лейла, ты ведь с детства знала, что это произойдёт, — тихо, почти ласково сказал эмир. — Много веков наш город стоит в пустыне и цветёт, как райский сад. Если ты откажешься, погибнет множество людей. И твои братья. И я. И ты сама не сможешь жить в пустыне без воды. Город засыпят пески. Ты же не хочешь, чтобы наши подданные погибли?

— Но разве моя жизнь не такая ценная, как жизнь наших подданных? Разве её можно использовать как разменную монету? — со слезами в голосе спросила Лейла. — Разве я не твоя подданная и не имею право на защиту?

Ей никто не поможет. Отец принял решение. Он будет спасать множество жизней ценой всего лишь одной. И если бы это не была жизнь Лейлы, она, возможно, была бы согласна с этим решением.

— Не отдавай меня, отец! Спаси свою дочь, — молила она. — От любого врага можно откупиться, ты ведь сам так говорил. Откупись от колдуна! Я больше никогда ни о чём не попрошу тебя, я буду покорной дочерью, но не отдавай меня этому страшному человеку. Говорят, он пьёт кровь своих

жён...

— Ты — часть правящей семьи! — рассердился эмир. — Ты станешь женой Малик-аль-Джада, потому что это твоё предназначение. Только так можно погасить долг эмира и спасти тысячи жизней. Ни одна принцесса до тебя не посмела пойти против договора. Иди в свои покои и готовься к свадьбе! Иначе я накажу тебя.

— Разве можно наказать меня сильнее? — спросила Лейла, подняв голову.

Дверца её клетки заперта на тысячи замков. Ей хотелось кричать от боли и страха, но Лейла не могла больше произнести ни слова.

Азиз смотрел куда-то поверх её головы. Правитель должен заботиться о своих подданных. Даже когда цена высока. Он махнул рукой, повелевая дочери уйти.

Лейла поднялась с земли, поклонилась и медленно, чуть покачиваясь, пошла во дворец. Ей казалось, она чувствует взгляды слуг на своей спине. О чём они думают? Сочувствуют? Рады, что есть возможность купить себе жизнь ещё на несколько лет? Кто из них добровольно оплатил бы своей жизнью чужие?

Она выгнала портниху из комнаты. Упала на тахту и заплакала. Если нет спасения, то зачем ждать свадьбу? Можно приказать Мариам достать яд и покончить со всем этим. Только вот станет ли служанка помогать ей?

Тихо отворилась дверь.

— Госпожа, — вкрадчивым голосом сказала Мариам. — Я принесла вам гранатовый щербет.

Бабушка Мариам гадает на зачарованных камнях, вспомнила Лейла. Она села, вытерла слёзы. Позволила служанке подать напиток.

— Как зовут твою бабушку? — спросила Лейла.

— Зухра, госпожа.

— Я слышала, она гадает?

— Всех знающих колдовство, кроме Малик-аль-Джада, давно изгнали из города, госпожа. Бабушка пасёт коз, вяжет носки, — сказала Мариам, опустив глаза.

— Ты врёшь мне, Мариам?

— Как можно, госпожа?

— В старые времена подозреваемого во лжи сажали в кожаный мешок с ядовитыми змеями. Змеи не кусают честного человека... — задумчиво сказала Лейла, глядя на служанку.

Мариам упала на колени, опустила голову:

— Пощадите, госпожа! Бабушка стара, если её выгонят из города, она погибнет.

— Приведи её во дворец, — приказала Лейла. — Пусть принесёт свои зачарованные камни. Что ещё она может?

— Она говорит с ветром. Только она не пойдёт, госпожа. Ведь если её на колдовстве поймают, то казнят. Но мы можем пойти к ней ночью. Я вас отведу, — Мариам подняла умоляющий взгляд.

— Как мы пройдем мимо стражи?

— Доверьтесь мне, госпожа. Я приду к вам, когда все будут спать, и выведу из дворца.

— Хорошо, Мариам. И помни про мешок со змеями, не пытайся меня обмануть, — пригрозила Лейла.

Остаток дня она провела в комнате, придумывая, как избежать свадьбы.

Мариам пришла за полночь. Она тихо вошла, прикрыв за собой дверь.

— Госпожа, — шёпотом позвала она.

— Как ты долго, Мариам, — нетерпеливо упрекнула Лейла.

— Не могла прийти раньше, простите. Вот, надо переодеться, — она положила на постель стопку одежды.

— Что это, Мариам? Зачем?

— В вашей одежде нельзя. Это моя одежда. Лучше, если вас примут за служанку, — сказала Мариам, разворачивая простое тёмно-синее платье.

Лейла позволила себя переодеть. Мариам укутала её в чадру. Теперь госпожа не отличалась от своей служанки: обе в тёмных шерстяных платьях с закрытыми волосами и лицами. Лейла задержалась у зеркала. Сердце её радостно забилося. Это был путь к свободе, который она так искала! Зачарованные камни гадалки обязательно подскажут ей выход! Ведь против колдовства может выступить только другое колдовство.

Во дворце было тихо. Горели масляные фонари, тускло

освещающая длинные, извилистые коридоры. Мариам шла впереди, чадра её развевалась при ходьбе. Лейла старалась идти бесшумно. Чужие башмаки казались тяжёлыми и неудобными.

Что, если стражники не поверят? Заставят открыть лицо? Поднимется шум. Отец узнает, что Лейла хотела покинуть дворец. Мариам казнят за помощь. Но, главное, путь к свободе будет навсегда отрезан. И свадьба состоится. Лейла одними губами вознесла короткую молитву, призывая на помощь Всевышнего.

Прошли пустую кухню. Здесь пахло специями и ореховой пахлавой.

Коридор за кухней не был расписан арабесками, потолок был низким. Здесь бывали только слуги. Остановившись у двери, Мариам три раза постучала.

— Чего тебе? — спросил мужской голос из-за двери.

— Открой, Али. Это Мариам и Сорайя.

— Почему так поздно? — отозвался недовольный голос.

— Открой. Нам надо передать молочнику распоряжение повара. Никак нельзя было раньше.

Дверь открылась. В коридор заглянул молодой стражник. Лицо его расплылось в улыбке.

— В это время добропорядочные женщины спят, — сказал он. — Не разбудить ли мне повара и не спросить ли, почему вы так поздно идёте к молочнику?

— Разбуди, Али, сделай одолжение, — согласилась Ма-

риам. — Только давай поскорее. Нам тоже хочется поспать немного. А до молочника сам знаешь, неблизко. И если он не выполнит к утру распоряжение, то госпожа Лейла будет очень недовольна. Ты же знаешь, как она злится, когда утром подают не то, что она хотела. И мне придётся назвать твоё имя, когда спросят, почему так получилось.

Стражник перестал улыбаться. Поколебавшись ещё немного, он кивнул и отошёл от двери.

— Идите. Да не задерживайтесь. А то станете до утра сидеть под дверью.

Девушки вышли из дворца. Мариам быстро зашагала по дороге к темнеющим впереди домам. Лейла поспешила за ней.

Тёмная ночь влажно пахла зеленью и жасмином. Чёрные тени пугали. А душа ликовала — дверца клетки, наконец, открылась!

Глава 3. Говорящая с ветром

Им никто не встретился на тёмной улице. Лейла опасливо оглядывалась, ожидала, что всё раскроется и за ней отправят погоню. Она вглядывалась в тёмные кусты, думая, где бы спрятаться, если её начнут искать.

Дома становились ниже. Улица — уже. Запахло навозом и отгоревшим костром. Залаяла собака за забором. Мариам уверенно шла вперёд. Один лишь раз она спряталась за куст, потянув за собой Лейлу, когда где-то недалеко послышался голос:

— В городе всё спокойно!

Мимо прошли стражники. Через некоторое время снова послышался крик:

— В городе всё спокойно!

Мариам вышла из укрытия, поманила Лейлу.

Наконец, они дошли до низкого дома почти у самой пустыни. Марьям три раза постучала в низкую деревянную дверь. Никто не ответил. Она подёргала ручку, но дверь была закрыта изнутри. Мариам снова постучала.

— Кто там? — спросил старческий настороженный голос.

— Это я, бабушка Зухра! Мариам, — ответила девушка.

Дверь открылась. На пороге стояла старая седая женщина в просторном платье и домашних тапочках. В руке она держала масляную лампу.

— О, Всевышний! Что случилось, Мариам? — встревоженно спросила она. — Почему ты пришла в такое время? Кто это с тобой?

— Я привела к тебе госпожу, бабушка. Ей нужна твоя помощь, — тихо ответила Мариам, отесняя от двери гадалку. — Проходите, госпожа. Осторожно, тут низко.

Лейла, чуть склонив голову, вошла в дом. Старая женщина смотрела на неё, пытаясь рассмотреть, кого привела внучка.

— Бабушка, это госпожа Лейла, дочь нашего эмира, — сказала Мариам.

Гадалка низко поклонилась и застыла с согнутой спиной.

— Да продлит Всевышний годы вашей красоты, госпожа, — почтительно сказала она.

Лейла сняла покрывало.

— Я слышала, что ты говоришь с ветром и предсказываешь судьбы. Это правда?

— Да, госпожа, — виноватым голосом сказала Зухра. — Всевышний наградил меня таким даром. Но повелитель запретил гадание и колдовство. Теперь я просто старая Зухра, которая пасёт коз.

— Мариам, подожди меня на улице, — приказала Лейла. И когда служанка вышла, мягче добавила: — Мне не нужно предсказание. Я знаю свою судьбу. Мне надо знать, как её изменить. Ты можешь ответить на этот вопрос?

Гадалка склонилась ещё ниже.

— Простите меня, госпожа, я ведь не колдунья. Но если вы расскажете о своей беде, может быть, я смогу вам помочь.

Лейла села на низкую тахту. Осмотрелась. В доме гадалки было мало вещей. Пахло старостью и сушёной травой.

— Отец хочет отдать меня в жены колдуну Малик-аль-Джаду. Ты ведь знаешь почему? — спросила Лейла.

— Да, госпожа, — кивнула Зухра. — Много лет назад колдун победил водного дива и получил власть над водой, питающей наш город. Дочерей эмиров он забирает в уплату. Это знают все в городе.

— Я не хочу жить с колдуном. Помогите мне избавиться от этого брака. Я щедро тебя награжу. Можешь назвать любую цену!

Лейла выпрямилась и подняла подбородок, подражая отцу.

— Простите меня, госпожа. Но я не стану вам помогать, — тихо ответила Зухра.

— Ты отказываешься выполнить мой приказ? — удивилась Лейла. — Как такое возможно?

— Если колдун не получит вас, то город умрёт. Высохнут источники. Погибнут люди. Я не хочу, чтобы Сафед умер. Ведь в этом городе живут мои внуки. Я и сама не хочу умирать, хоть и стара.

— Значит, ты хочешь заплатить моей жизнью за жизнь своих внуков? А если бы это была жизнь твоей Мариам? Помогите мне! — в отчаянии воскликнула Лейла. — Я заплачу

тебе так, что ты сможешь уехать из города со всей семьёй и начать другую жизнь. Богатую.

— Я не могу тягаться с Малик-аль-Джадом, — покачала головой Зухра. — Он силён. Его глаза видят сквозь стены. Он найдёт меня и убьёт, если я попытаюсь помочь вам, господа.

— Так скажи, кто может мне помочь. Поговори с ветром. Дай мне хотя бы надежду! — Лейла умоляюще сложила руки. — Может быть, есть возможность избежать этого брака и спасти жителей города? Скажи, чего ты хочешь? Я сделаю Мариам богатой невестой, я прикажу построить тебе большой, просторный дом. Я выполню твоё любое желание! Все твои потомки будут жить в роскоши!

Лейла готова была разрыдаться от страха и отчаяния. Её голос дрожал, глаза наполнились слезами. Зухра, всё ещё колеблясь, достала с полки тёмный мешочек, подошла к низкому столику, опустилась на колени.

Лейла села на пол напротив гадалки. Зухра потрясла мешочек и высыпала на стол круглые чёрные камешки, покрытые символами. Она стала выкладывать камешки в одну линию.

Лейла замерла, глядя, как поблёскивает гладкая чёрная поверхность в свете масляной лампы. Зухра что-то шептала, покачивала головой. Лейла видела на её лице сомнение. Она так сжала кулаки, что ногти впились в ладони. Только бы Зухра не передумала! Только бы помогла!

— Они говорят, что судьбу изменить нельзя, — сказала гадалка.

— Я изменю! — упрямо возразила Лейла. — Я выпью яд накануне свадьбы. Никто не заставит меня стать женой колдуна! Разве Всевышний дал тебе дар видеть будущее не для того, чтобы ты помогала тем, кто нуждается? Что они ещё говорят?

Лейла ткнула пальцем в стол рядом с камнями.

— Они говорят, что только одно существо способно победить колдуна. Див пустыни. Но для того чтобы умереть, не обязательно так далеко ходить. Див убьёт вас, госпожа. Пейте яд. Или выходите замуж.

Зухра решительно собрала камни в мешочек.

— Вам пора возвращаться во дворец, — сказала она.

— Как мне найти песчаного дива? — спросила Лейла.

— Я не знаю. Никто не знает.

— Ты мне врешь! — вспылила Лейла. — Мариам сказала, что ты говоришь с ветром. Кто, как не ветер знает, где живёт песчаный див? Спроси ветер!

— Если повелитель узнает, он казнит меня, — возразила Зухра.

— Если завтра Мариам обвинят в воровстве, её казнят ещё до вечера, — ответила Лейла.

Зухра покачала головой.

— Хорошо. Я спрошу ветер. Ждите меня здесь, госпожа, — Зухра набросила на голову покрывало.

— Я пойду с тобой, — сказала Лейла.

— Госпожа, это не предназначено для чужих глаз.

— Я пойду с тобой, — не допускаям возражений голосом ответила Лейла.

Они вышли на улицу. Обошли дом. Тёмное небо покрывала россыпь звёзд. Ночь была тихая, безветренная. Влажно пахло зеленым садов. Тихо журчал родник.

Они прошли мимо спящих домов и вышли за окраину города. Где-то вдали завыл шакал. Протяжно и жалобно, словно плакал ребёнок.

— Госпожа, вам надо лечь на песок, — сказала Зухра останавливаясь. — Не поднимайте головы, ничего не говорите. Пока всё не закончится. Держитесь крепче...

Лейла легла. Положила подбородок на сложенные руки, стала наблюдать за гадалкой. Зухра прошла дальше, остановилась, раскинула в стороны руки. Она громко заговорила на незнакомом языке. Фразы звучали отрывисто, резко, словно карканье вороны.

Лейла почувствовала, как песок под ней загудел. Песчинки подпрыгивали, кололи кожу на лице. Она приподняла голову, чтобы лучше видеть гадалку.

Зухра быстро кружилась на месте. Подол платья развивался, обнажая тонкие лодыжки. Старуха говорила громким сильным голосом. Казалось, в её дряхлое тело вселились новые силы. Она вращалась всё быстрее. Вокруг неё закручивался спиралью песок.

Сзади налетел порыв ветра, задрав подол платья Лейлы. Песок под её руками просел, потёк струйками к месту, где кружилась Зухра.

Незнакомые слова звучали все громче. Зухра старалась перекричать вой ветра. Платок слетел с её головы, и длинные седые волосы поднимались вверх, словно языки белого пламени.

Ветер становился сильнее. Лейле казалось, что её подхватит поток воздуха, и унесёт в небо. Она вжималась в песок, хватала его руками, стараясь удержаться на месте.

Вокруг Зухры плотной песчаной массой крутился вихрь. Он поднимался высоко в небо. Гудел. Разбрасывал колючие песчинки. На небе больше не было звёзд. Чернота окружала Лейлу со всех сторон.

Танец гадалки длился и длился. Лейле, казалось, она слышит, как ветер отвечает Зухре. В его вое слышался смех, крик, плач, карканье, пищание...

Наконец, всё кончилось. Ветер затих, уронив песок. Снова появились звёзды. Зухра лежала на песке неподвижно, раскинув руки. Лейла поднялась, бросилась к гадалке, боясь, что та мертва. Она взяла женщину за руку. Зухра открыла глаза.

— Песчаный див исполняет одно желание каждого, кто находит к нему дорогу. Таково его наказание за непокорный нрав. Но ещё никто не вернулся от него назад. Исполнив ваше желание, он убьёт вас, — слабым голосом сказала Зухра.

— Песчаный див может справиться с колдуном. Он сильнее Малик-аль-Джада. Но станет ли он помогать?

— Мне приходится выбирать между смертью и смертью,
— сказала Лейла, помогая гадалке подняться. — Ветер сказал, как найти дива?

— Пойдём в дом, — вздохнула Зухра. — Я расскажу всё, что узнала.

В ночной тишине снова завыл-заплакал шакал. Лейла повернулась на звук. На бархане сверкнули глаза песчаного кота.

— Пойдём, госпожа, — слабым голосом повторила Зухра.

Они вернулись в дом. Гадалка молчала. Лейла видела, что движения даются ей с трудом. Зухра взяла с полки у очага маленький медный кувшин и что-то нацарапала на нём ножом. Руки её дрожали, и буквы выходили корявыми.

— Вот, возьмите, — она протянула кувшин Лейле и тяжело опустилась на тахту.

— Зали...

— Не произносите вслух его имя! — испугалась гадалка.
— Он услышит ваш зов. Этот кувшин — ловушка для дива. Див хитёр, но тот, кто знает его имя, владеет большой властью. Если сможете загнать его в кувшин, то спасётесь. Если не сможете — никогда не увидите свой дом. Див убьёт вас.

— Как добраться до него? — спросила Лейла.

Надежда снова ожила в сердце.

— Песчаный див живёт в самом сердце пустыни. Путь к

нему спрятан тысячью заклятий, — слабым голосом ответила Зухра.

— Но ты расскажешь мне про этот путь? — теряя терпение, спросила Лейла.

— Ветер сказал что-то странное... Я не знаю, можно ли это считать путём к песчаному диву.

— Говори, Зухра-ханум, — попросила Лейла. — Скоро рассвет, нам надо вернуться во дворец.

— Чтобы найти его пещеру, надо надеть всю одежду наоборот. Вывернув её наизнанку. На вас не должно быть ничего надетого правильно. Поднимитесь на крышу. Повернитесь спиной к краю, закройте глаза и идите спиной вперёд. Если все сделаете правильно, то попадёте к песчаному диву.

— А если нет?

— Разобьётесь, упав с крыши, — ответила Зухра.

— Спасибо, — сказала Лейла. — Завтра Мариам принесёт тебе плату за услугу. Собери своих внуков и уезжай с первым же караваном.

Лейла сжала медный кувшин так сильно, что края впились в ладони. Она только что получила единственный шанс. И этот шанс почти наверняка вёл к смерти.

Зухра молча смотрела на неё. В её глазах не было ни одобрения, ни осуждения — только усталость.

Лейла поднялась. Кувшин она спрятала под чадру, прижав к груди.

Выйдя на улицу, она остановилась и подняла лицо к звёз-

дам. Ночь была тихой. Где-то далеко снова завыл шакал.

«Я выбираю между смертью и смертью, — подумала она. — Я выбираю!».

Она глубоко вдохнула ночной воздух и пошла следом за Мариам обратно во дворец, где её уже ждала клетка, запертая на тысячу замков.

Глава 4. Песчаный див

Мариам и Лейла вернулись домой перед рассветом. Никто не заметил, что дочь эмира покидала дворец.

Утром Лейла позвала портниху. Велела принести ткани для свадебного наряда. Она не хотела, чтобы кто-то заподозрил, что она придумала, как избавиться от колдуна. Портниха разложила на тахте образцы и принялась нахваливать алый шёлк.

Лейла рассматривала образцы тканей. Прикладывала их к себе, красуясь перед зеркалом. Рассказывала, какую вышивку хочет для своего наряда.

Портниха принесла чудесную тонкую вуаль, расшитую золотой нитью. Из этих тканей получился бы великолепный наряд. Лейла стала бы самой красивой невестой во всей бескрайней пустыне. И она счастливо улыбалась, думая, что этого не произойдёт. Она уже убедила себя, что див поможет ей. И пока есть надежда, не стоит готовиться к похоронам.

День всё длился и длился. Лейла нетерпеливо ждала наступления ночи.

Когда солнце спряталось за горизонт, она отпустила служанок и осталась в комнате одна.

Опустели коридоры дворца. Наступила тишина.

Лейла сидела на тахте и ждала, когда все уснут. За окном тихо журчал фонтан. Громко вскрикнул павлин. Лей-

ла выглянула в окно. Из её комнаты можно было выйти на просторный балкон. Под балконом стояла беседка с плоской крышей. Лейла заметила её ещё днём, когда решала, с какой крыши она попадёт к песчаному диву.

Лейла тихо открыла сундук, достала шаровары и длинное платье с шелковой вышивкой на груди. Она вывернула одежду наизнанку. Надела шаровары и платье задом наперёд. Горловина платья впилась в шею.

Лейла распустила волосы. Попыталась надеть задом наперёд чадру, но отбросила её, рассудив, что с закрытыми тканью глазами она и до крыши не доберётся. Медный кувшин она закрепила на поясе. Постояла у зеркала, рассматривая себя в этом нелепом наряде. Можно было идти на крышу.

Лейла медлила. Кого она боится сильнее: колдуна или песчаного дива? Оттягивая время, она достала из шкатулки серьги. Надела их, наоборот, повернув крупным изумрудом назад. Надо было идти.

Лейла вышла на балкон. Свесилась вниз, рассматривая дворик. Не ходит ли там стражник? Прислушалась.

Она перелезла через перила балкона и прыгнула на крышу беседки, упав на колени. Туфля с ноги слетела и откатилась к краю крыши.

Несколько секунд Лейла сидела неподвижно, ожидая, что стража поднимет шум. Но было тихо. Лейла потёрла ушибленную коленку, подняла слетевшую туфлю. Обувь, наверное, тоже следовало обуть не так, как обычно. Например, на

руки.

Лэйла встала у самого края крыши. Прижала к груди руки, обутые в туфли. Закрыла глаза. Маленькими шагами стала она пятиться назад. Сколько шагов надо сделать, чтобы упасть вниз? Падать с беседки было невысоко. Жизни падение не угрожало. Но ноги Лейла уж точно переломает.

Представив себя лежащую на земле в этом нелепом виде и страдающую от боли, Лейла остановилась. Сколько ещё осталось до края крыши? Надо ли будет начинать всё сначала, если она посмотрит туда всего лишь одним глазком?

Лейла облизала пересохшие губы и медленно, скользя стопой по крыше, сделала шаг. Потом ещё. В конце концов, колдун может и отказаться от покалеченной невесты. Или Лейла выиграет время, нужное ей для излечения. Она сделала ещё шаг. А если колдун умеет сращивать кости? Тогда он быстро поставит её на ноги и от этой затеи останется только стыд.

Ещё шаг. Луна вышла из-за облаков и светила в лицо. Пахло жасмином. Ветер едва шевелил лёгкую ткань платья. Лейла шла к краю крыши, с каждым шагом ожидая падения. Но крыша оказалась длиннее, чем казалось вначале. Лейла всё шла и шла, а крыша не заканчивалась.

Луна спряталась и больше не светила в глаза. Вместо запаха жасмина откуда-то потянуло дымом. Ещё шаг и она точно упадёт вниз. Перед внутренним взором возникло лицо колдуна. Ей всю жизнь придётся провести рядом с живым ске-

летом, пьющим кровь своих жён. Лейла шагнула. Под ногами всё ещё была твёрдая поверхность. Возможно, следующий шаг последний.

— Смотрите-ка, еда пришла, — услышала она насмешливый голос.

Лейла вздрогнула и распахнула глаза. В нескольких шагах от неё горел костёр. Закопчённые стены терялись где-то в тёмной высоте. У костра сидел песчаный человек. Он был огромного роста, нависал над костром и тянул шею, словно старался ближе рассмотреть Лейлу. Песок перетекал по его телу, блестел в свете костра.

На месте глаз у песчаного дива темнели дыры. Щель рта кривилась в усмешке. Песчаное тело всё время меняло очертания, словно песок, из которого оно было сделано, был живым и всё время двигался.

Лейла стояла, прижимая к груди туфли, и смотрела, как рот песчаного дива растягивается в улыбке.

— Что же ты остановилась? — насмешливо спросил он. — Пришла просить исполнения желания?

— Нет, — сглотнув ответила Лейла. — Я пришла посмотреть на тебя.

Она быстро оглядела пещеру. У дальней стены в кучу были свалены кости и черепа, присыпанные песком. Там же валялось какое-то тряпье, вероятно, служившее одеждой тем, кто больше уже никогда не выйдет из пещеры. На полу лежали золотые монеты, несколько женских украшений.

— Посмотреть на меня? — удивился див. — Зачем это понадобилось?

Лейла снова взглянула на сваленные у стены кости. О чём она только думала, когда решила идти сюда? Ещё сильнее прижала она туфли к груди. И стараясь не показать страх, сказала:

— Скоро я выйду замуж за величайшего из колдунов. Слышала я, что он так могущественен, что может убить тебя одним только своим пожеланием. Вот я и хотела увидеть, так ли ты страшен на самом деле, как говорят.

Див засмеялся, вытянулся к потолку, взмахнул руками. Пламя костра дрогнуло. По пещере пронёсся ветер, взметнув подол платья Лейлы.

— Глупая женщина! — прогрохотал див, нависая над Лейлой. — Ни один колдун не может убить меня. Нет у них такой силы.

— Неправда! — звонко выкрикнула Лейла. — Малик-аль-Джад убил водного дива и захватил воду, питающую наш город. В день свадьбы он обещал убить тебя и тогда ему станет подвластен песок пустыни. Он бросит к моим ногам все твои богатства, которых в этой пещере оказалось не так уж и много, — с сожалением сказала она.

— Твоего жениха зовут Малик-аль-Джад? — перестал смеяться див и опустился на пол возле костра. — Мерзкий человечиска, выпивший из источника бессмертия, чтобы сравняться с нами — духами. Он думает, что сможет жить

вечно. Никогда он не сможет убить меня. Да кто ты такая, женщина?

— Я — дочь эмира Сафедстана Лейла. Скоро мой муж захватит твою силу. Прощай, див. Я увидела всё что хотела.

Лейла поставила туфли на пол, сунула в них ноги и направилась к выходу из пещеры.

— Он не сможет убить меня, нет у него такой власти, — закричал див за её спиной. — Но за то, что он похвастается своей силой надо мной, я сам убью Малик-аль-Джада. Придётся тебе выбрать другого мужа, глупая женщина. Лучше бы сидела дома и готовилась к свадьбе.

— Убьёшь колдуна? — обернулась у выхода из пещеры Лейла. — Да где тебе? Ты всего лишь песок. Я сама видела, как колдун стирает с неба луну. Можешь ты сделать такое? Тебе не убить Малик-аль-Джада. Он испил из источника бессмертия! Он вечен!

— Вечен? Никто не может устоять перед моей силой. Я убью его, даже если он поселится в том источнике! — выкрикнул див, и его рот превратился в чёрную дыру, вокруг которой жёлтым вихрем кружил песок.

Лейла испуганно замерла, положила руку на кувшин, повторяя про себя имя дива. Огонь костра разгорелся, вытягивая языки пламени вверх.

Див навис над костром, заговорил на незнакомом языке. Слова его звучали зло и громко. Эхо торопливо повторяло заклинание. Песок осыпался с тела дива на пол пещеры и

поднимался обратно, окружая спиралью пламя костра.

В пламени Лейла увидела просторную комнату с высокими витражными окнами. Пол устлан толстым бухарским ковром. Стены расписаны арабесками. Потолок украшен мозаикой из бирюзы и янтаря. Колдун жил в роскоши, достойной эмира. На возвышении стояла большая тахта под расшитым золотом балдахином. Среди подушек Лейла разглядела сморщенное старческое лицо.

Из-под двери в комнату стал проникать песок. Лопнули витражные окна, впуская в комнату песчаные потоки. Песок лился из всех щелей. Он тянулся к колдуну, словно щупальца огромного осьминога. Проник под балдахин, пополз по покрывалу.

Малик-аль-Джад проснулся. Увидев заполняющий комнату песок, он попытался встать. Но песчаные щупальца спутывали ему ноги. Выкрикивая проклятия, колдун пополз к краю тахты, стараясь дотянуться до своего посоха.

Див заговорил громче, призывая смерть на голову колдуна. Песок на теле дива кружился всё быстрее. Огненные языки костра доставали до потолка пещеры. Лейла отшатнулась от жара.

— Смотри! Смотри, дочь эмира! Сейчас я убью его! — закричал песчаный див.

— Ты слишком слаб для этого, — насмешливо ответила Лейла, стараясь ничем не выдать охватившую её радость. Её голос дрожал. Сейчас она станет свободна от ненавистного

жениха.

Лейла, не отрывая взгляда, смотрела в огонь. Малик-аль-Джад почти дотянулся до посоха. Он выкрикивал заклинание, и песок вдруг стал отступать, осыпаться на пол. Лейла затаила дыхание.

Див взмахнул руками. Песчаные щупальца теперь лезли колдуну в уши, глаза, в нос, лишая возможности дышать. Колдун спустился с тахты и, задыхаясь, сделал шаг. Упал на пол, пытаясь закрыть лицо от песка. И замер без движения. Песок вокруг стал гореть, вспыхивая белыми искрами.

— Вот и всё! — захохотал див.

— Что всё? Да он просто уснул, — заметила Лейла. — Разве песок может причинить ему вред? Его сердце всё ещё в кувшине с водой из источника бессмертия.

Песок, засыпавший тело колдуна, взметнулся в воздух. Он проникал в сундуки, открывая крышки, заполнял пустое пространство под тахтой, тонкими щупальцами тёк в закрытые шкафы.

Со стены упало большое украшенное золотом зеркало. За ним оказалась ниша, в которой стоял кувшин с широким горлышком. Песчаное щупальце толкнуло кувшин, и он упал. На ковёр потекла вода и выскользнуло человеческое сердце, всё ещё бьющееся, живое. Лейла закрыла ладонью рот, борясь с тошнотой.

— Это не просто песок, Лейла, дочь эмира, — покачал головой песчаный див. — Это моя сила. Малик-аль-Джад

мёртв. Я сильнее колдуна, возомнившего себя равным духу пустыни!

Див взмахнул песчаными руками, и тело колдуна рассыпалось чёрным пеплом на полу его спальни. Сжалось и замерло сердце. Ворвавшийся в окно ветер подхватил пепел и понёс его прочь. Лейла вздохнула. Брак с колдуном ей больше не угрожал. Казалось бы, она должна испытывать счастье, а в душе была только пустота и усталость.

— А теперь умрёшь ты! За то, что посмела усомниться в моём могуществе! — выкрикнул див.

Он поднялся в воздух и полетел к Лейле, закрывая телом потолок. Воздух в пещере раскалился. Песчаные щупальца теперь тянулись к Лейле. Песок уже засыпал её ноги, лишая возможности убежать. Лейла развязала пояс, схватила кувшин двумя руками и, выставив его вперёд, зажмурилась и закричала:

— Песчаный див Залим-аль-Рималь, полезай в кувшин! Таково моё желание! Отныне ты можешь выйти из него только по моему повелению!

Тело дива рассыпалось на миллионы песчинок. Они закружились вокруг Лейлы, послышался удивлённый возглас дива:

— Кто? Кто сказал тебе моё имя?

А потом песок стал ссыпаться в кувшин.

Лейла открыла глаза. Она с трудом удерживала кувшин. Песок всё сыпался и сыпался, но кувшин не становился тя-

желее. Див стонал, кричал, что убьёт её, как только сможет освободиться. Но песчинка за песчинкой перетекал в кувшин.

Когда див полностью оказался в кувшине, Лейла опустилась на пол. Поставила кувшин, заглянула внутрь. Кувшин был пуст. Она огляделась. Руки её дрожали. В пещере она была одна. Горел, тихо потрескивая, костёр. Молча тарацились черепа из кучи у стены.

— Див, — позвала она.

Див молчал. Лейла потрясла кувшин.

— Песчаный див Залим-аль-Рималь, ты там? — громче спросила она.

— А где мне ещё быть? — спросил див. — Разве не ты только что посадила меня в кувшин? Кто сказал тебе моё имя?

— Ветер, — ответила Лейла. — Ветер сказал мне твоё имя. Ты можешь убить ветер?

Теперь можно было возвращаться. Она вернётся домой и всё расскажет отцу. Больше источник не принадлежит колдуну, и город может жить спокойно. Отец найдёт источник, питающий город, и больше никто не станет угрожать им смертью.

Лейла встала, сняла туфли и сунула в них руки. Повернулась спиной к выходу из пещеры. Закрыла глаза. Надо просто повторить путь, которым она пришла сюда. Ведь если входишь в дверь, то и выходишь из неё же.

Она сделала шаг назад. Потом ещё. Теперь идти было не страшно. Падение с крыши ей больше не угрожало. Лейла не разрешала себе думать, что пещера дива может находиться где-то высоко в горах. Надо сделать несколько шагов, скоро она почувствует запах жасмина, и это будет значить, что она вернулась домой.

Сначала её лица касался тёплый воздух пещеры. Но чем ближе она подходила к выходу, тем прохладнее становилось. Лейла шла по холодному каменному полу. Потом под ногами появился песок. Лейла шла, песка становилось больше.

Она остановилась, открыла глаза и посмотрела вдаль. Перед нею лежала пустыня. Тёмная ночь обнимала барханы. Бесчисленное множество звёзд светилось в чёрном небе. Лейла растерянно смотрела вокруг. Она делает что-то неправильно, раз не вернулась домой. Может быть, она не должна оставлять свои вещи в пещере?

Лейла вернулась, повесила кувшин на пояс. Закрывает глаза и принялась пятиться к выходу из пещеры. Под ногами снова зашелестел песок.

Снова и снова повторяла она этот путь. В голове звучали слова гадалки, что Лейла не сможет вернуться домой. Она останется среди этой пустыни навечно. От бессилия по щекам её потекли слёзы. Она так сильно прижала к груди обутые в туфли руки, что стало трудно дышать. Наконец, она сдалась. В очередной раз, выйдя из пещеры в пустыню, она попросила:

— Див, верни меня домой. Я отпущу тебя! Я буду всем рассказывать о твоём могуществе!

— Я выполняю только одно желание. Твоё уже исполнил,
— ворчливо ответил див. — Раньше надо было думать, как возвращаться домой.

Где-то в пустыне завыл шакал. Мимо Лейлы бесшумно пролетела пустынная сова, сверкнув жёлтыми глазами.

Лейла всматривалась в бесконечную ночь и не знала, что ей делать дальше.

Глава 5. Караван

Небо снаружи пещеры светлело. Скоро начнётся день, а с ним придёт жара. Лейла не могла вернуться домой зачарованным путём. Надо было искать дорогу через пустыню.

Лейла обошла пещеру. Подняла с пола несколько золотых монет. Переделалась. Больше не было нужды ходить в вывернутой наизнанку одежде. В куче тряпья она нашла просторный чёрный бурнус с капюшоном и платок из плотной ткани. Еды и воды в пещере не было. Оставалось надеяться на милость Всевышнего и проходящий мимо караван.

Дочь эмира всю жизнь провела во дворце, не зная нужды и неудобств. Лейла не представляла себе, насколько велика пустыня. Но ведь где-то в этих песках есть и другие города, кроме её родного Сафеда. Люди обязательно подскажут ей, как вернуться домой.

Лейла вышла из пещеры и пошла куда глаза глядят. Со всех сторон её окружали одинаковые золотые барханы. Шуршал под ногами песок. Змея чёрной лентой проскользила впереди, оставляя за собой волнистые линии.

Поднявшись на бархан, Лейла осмотрелась. Жёлтый сверкающий на солнце песок покрывал всю землю от горизонта до горизонта. Не было никаких следов людей и не было надежды пройти это песчаное море.

Солнце поднималось над землёй, становилось всё горя-

чее. Тонкое платье скоро намокло от пота. Губы пересохли от жажды. Расшитые шёлком туфли забивались песком, спадали и плохо защищали от горячей поверхности. Солнце жгло глаза, а кожу на руках исколол несущий острые песчинки ветер.

Лейла шла, опустив голову, повторяя про себя молитву. От жары кружилась голова. По пути ей не встретилось ничего, что могло бы спрятать её в тени от испепеляющего жара.

Спустившись с очередного бархана, она устало села на песок. Куда она идёт? Зачем? Разве может человек преодолеть пустыню без капли воды? Какой смысл продлевать мучения?

— Див, — хриплым голосом позвала она. — Див, что ты сделаешь за то, что я выпущу тебя?

— Убью тебя, — сказал див. — А потом вернусь в пещеру.

— Если ты всё время будешь мне угрожать смертью, я так и оставлю тебя в кувшине, — сказала Лейла.

Она подняла голову и увидела впереди сверкающую синюю гладь. Приложив ладонь ко лбу, она стала вглядываться в даль.

— Мне всё равно, — надменно сказал див. — Я вечен. Я песок. Даже если ты никогда меня не выпустишь, однажды ты умрёшь. И тогда я выйду, потому что с тобой умрёт и твоё желание. И мне не надо будет...

— Див, там вода... — перебила его Лейла, чувствуя, как душа наполняется ликованием. — Вода! — закричала она и, поднявшись, побежала к озеру, поскальзываясь на горячем

песке.

Синяя гладь манила обещанием прохлады. Это было чудом, спасением, о котором она так молилась. Теперь она сможет утолить жажду и дожидаться проходящего каравана. Караванщик доведёт её до Сафеда. Она упадёт отцу в ноги и вымолит прощение за то, что ушла из дворца. И отец простит её, ведь Лейла спасла город от власти колдуна.

Она бежала по песку, а синяя гладь отдалялась. Расплылась в раскалённом мареве. Дрожала над песком в воздухе. И, наконец, исчезла.

Перед дочерью эмира до самого горизонта снова лежал песок. О воде теперь напоминало только высохшее русло реки, кривым шрамом перечеркнувшее пустыню.

Лейла остановилась. Обессилевшая села она в песок и закричала от отчаяния. У неё не было слёз, сухие судорожные рыдания сотрясали тело.

Пусть див убьёт её. Зачем продлевать страдание? Она повторяла про себя слова, выпускающие песчаного дива из кувшина. Но не могла произнести их вслух. Что, если за следующим барханом она увидит оазис? Где-то в душе ещё оставалась маленькая хрупкая надежда на спасение.

Лейла медленно пошла вперёд, не поднимая головы, пряча лицо под платком. Песчаные горы сменились каменистой равниной. Впереди, отбрасывая скудную тень, рос саксаул. Лейла решила дойти до деревца и отдохнуть в его тени.

Теперь идти было легче, ноги не увязали в песке. Но из-

мученное жарой тело слабело с каждым шагом. Так и не дойдя до желанной тени, она опустилась на землю. Кружилась голова, пространство расплывалось перед глазами. Солнце убьёт её. Лейла легла и закрыла глаза. Стало темно. Больше она ничего не чувствовала.

Очнулась Лейла от покачивания. Она с трудом открыла глаза. Сильно болела голова и кожа на лице. Лейла лежала на чём-то мягком, плавно движущемся. Множество слоёв плотной ткани образовывали полог над головой, скрывая её от солнца и жара. В ногах сидела девушка в светлом платье. Девушка дремала, голова её покачивалась в такт движению.

— Где я? — прохрипела Лейла.

Девушка открыла глаза. Улыбнулась.

— Слава Всевышнему, ты очнулась, — сказала она. Приоткрыла полог, выглянула наружу и громко попросила: — Али, передай отцу, что женщина, которую мы нашли в пустыне, очнулась.

— Почему всё качается? — тихо спросила Лейла.

— Потому что нас везут верблюды. Ты в караване моего отца. Меня зовут Зулейка. А ты кто?

— Я Лейла, дочь эмира Азиза из Сафедстана...

— Дочь эмира? — недоверчиво воскликнула Зулейка. — Почему дочь эмира оказалась в пустыне совсем одна? Ты потерялась, отстала от своего каравана? И тебя бросили умирать?

— Можно мне воды? — спросила Лейла, чувствуя, что

сознание вот-вот покинет её.

Зулейка поднесла к её рту маленькую флягу. Лейла стала жадно глотать тёплую влагу. Но Зулейка быстро отобрала флягу.

— Пожалуйста, ещё, — попросила Лейла.

— Нельзя. Позже дам ещё.

Покачивание прекратилось. Снаружи слышались голоса.

Открылся полог паланкина, внутрь заглянул сильно загоревший мужчина с намотанным на голове тюрбаном, в выгоревшем на солнце халате.

— Зулейка, как наша гостья? — спросил он.

— Говорит, что она принцесса, — улыбнулась Зулейка.

— Я дочь эмира Азиза Лейла. Мне нужно попасть в Сафедстан. Я вам заплачу, — сказала Лейла. Она вынула из ушей серьги, протянула мужчине.

Тот взял украшение, стал рассматривать.

— Красивая вещь, дорогая, — кивнул он. — Но я не знаю ничего о Сафедстане. Где он находится?

— В песках. В большом оазисе.

— Все города пустыни находятся в оазисах. Ты можешь остаться в караване. Я довезу тебя до ближайшего города. Зулейка позаботится о тебе.

Девушка улыбнулась.

— Пожалуйста, эфенди, мне нужно вернуться домой! — умоляюще заговорила Лейла. — Мой отец щедро вознагра-

дит вас. Вот, возьмите...

Она достала из кармана золотые монеты и протянула караванщику.

— Пожалуй, этого хватит, чтобы тебя кормили и давали воду, — кивнул караванщик, пряча монеты.

Он снова посмотрел на серьги. Тонкие золотые кружева обвивали два крупных изумруда.

— Зулейка, иди в конец каравана. Спроси дервиша, может, он слышал о Сафедстане. Я много лет вожу караваны по пустыне, но никогда об этой стране не слышал. Как же получилось, что дочь эмира оказалась одна в пустыне? — спросил он, рассматривая Лейлу. И, спохватившись, сказал дочери:

— И возьми у Бахар-ханум мазь от ожогов!

Зулейка спустилась с паланкина. Лейла слышала, как она с кем-то разговаривает. Голос у Зулейки был звонким, весёлым.

— Я заблудилась, — ответила Лейла.

— Хорошо, — кивнул караванщик. — Отдыхай, Лейла. Тебя будут кормить, моя дочь будет за тобой ухаживать. Но когда ты окрепнешь — будешь помогать Зулейке. Слуг здесь ни у кого нет. В пустыне все равны, все заботятся друг о друге. Я поспрашиваю о Сафедстане. Может быть, кто-то в караване знает об этой стране.

— Враньё! — сказал див.

Лейла вздрогнула и посмотрела на караванщика. Но тот не слышал дива. Всё ещё рассматривая серьги, караванщик

опустил полог. Через некоторое время паланкин закачался.

— Див, почему ты сказал, что караванщик врёт? — тихо спросила она.

— Он продаст тебя при первой же возможности. Дочь эмира стоит дороже, чем серьги. В любом гареме тебе будут рады, — довольным голосом сказал див.

— Почему ты думаешь, что он меня продаст?

— Ну, я бы так сделал.

— Он не ты, — заметила Лейла. — Мне показалось, что он добрый человек.

— Ты ничего не понимаешь в людях, — упрекнул её див.

— Я чую жадность, как она звенит в голосе и как воняет. От караванщика несёт жадностью. Сильнее, чем верблюжьей шерстью. Он продаст тебя, — уверенно заявил див.

Вернулась Зулейка.

— Дервиш ничего не знает о Сафедстане. Но ты не расстраивайся. Отец узнает, где он находится. Давай смажем твои ожоги. Вон как лицо обгорело.

Зулейка осторожно намазала лицо Лейлы и руки пряно пахнувшей жирной мазью.

— Вот, теперь скоро заживёт.

Она села в ногах Лейлы на подушку. Посмотрела на расшитые шёлком туфли Лейлы. Покачала головой.

— В такой обуви далеко в пустыне не уйти. У меня есть старые сапоги. В них тебе будет удобно. Песок не будет засыпаться внутрь и спадать не будут. Я за них могу взять твои

туфли. Поменяемся?

Лейла согласно кивнула. Зулейка радостно сняла с её ног туфли. Достала сапоги из-под подушек.

— Вот, наденешь, когда надо будет спуститься, — сказала она и принялась рассматривать туфли. — Красивые. Как будто ты и правда принцесса.

— Я и правда принцесса.

— Разве принцессы ходят по пустыне в одиночестве?

Лейла промолчала. Она закрыла глаза. Покачивался паланкин. Что-то весело говорила Зулейка. Перекрикивались снаружи погонщики. Заревел верблюд. Однообразно позвякивали колокольчики.

Что, если она никогда не вернётся домой?

Глава 6. Призрачный караван

Лейла много дней пролежала в паланкине. Когда караван делал остановку, паланкин опускали на землю. Тогда Лейла, наконец, чувствовала твёрдую почву, мир переставал раскачиваться.

Сначала Зулейка приносила ей еду в паланкин. Но когда Лейла почувствовала себя лучше, она стала выходить на остановках, чтобы немного размяться и посидеть у костра.

Каждый погонщик вёл десяток нагруженных поклажей верблюдов, связанных длинной верёвкой. Привязанные к животным колокольчики тихо позвякивали. Погонщики казались Лейле одинаковыми: выгоревшая на солнце до песочного цвета одежда, замотанные до глаз лица, загоревшие коричневые руки. Жёлтый мир пустыни словно поглощал другие краски, обесцвечивая их.

Отец Зулейки Рашид вечерами приходил отдохнуть у костра и, пока его дочь готовила ужин, расспрашивал Лейлу о Сафедстане. Никто в караване никогда не слышал об этой стране. Может быть, надо было идти в другую сторону?

На ночёвку останавливались перед закатом. Разжигали костры из верблюжьего навоза. Скоро воздух над пустыней наполнялся запахами похлёбки и лепёшек. Где-то выли шакалы. Скроется за барханами солнце, и на небе загорится столько звёзд, что почти не останется черноты между ними.

— Лейла, помоги мне, — попросила Зулейка. — Вот тебе миска. Принеси мне рис из того мешка. Вон, видишь? Рядом с безухим верблюдом.

Лейла взяла миску. Подошла к мешку, развязала его и зачерпнула рис. Удивлённо посмотрела на тонкие белые рисины, взяла одну, покусала. Высыпала рис в песок. Набрала ещё миску. Снова потрогала рис пальцами.

— Ты что делаешь? Зачем высыпала рис? — закричала Зулейка, стоя у котла.

— Он испортился. Посмотри, он весь высох. Его же нельзя есть. Он твёрдый как камень! — объяснила Лейла, протягивая ладонь с несколькими рисинками.

— Ты что, никогда рис не видела? — вспылила Зулейка. — Сколько тебе лет, ханум?

— Почему это я не видела рис? — возмутилась Лейла. — Я очень люблю рис. Особенно с изюмом, мёдом и финиками. И я знаю, что он мягкий. А этот иссох на солнце. Он как камень!

Лейла собралась высыпать в песок содержимое миски. Зулейка проворно подбежала и перехватила миску.

— Дай сюда, — прикрикнула она. — Чтобы рис стал мягким, его сварить надо. Ты выбросила риса на целую похлёбку. Так мы умрём от голода, если будем выбрасывать еду.

Она высыпала рис в котёл, помешала. Лейла растерянно наблюдала за ней.

— На вот, — Зулейка дала ей большой платок. — Собери

сюда всё, что высыпала. Когда придём в город и будет больше воды, промоем хорошенько и можно будет есть.

— Есть? — Лейла села, расстелила платок, стала собирать рис в него, думая, как плохо быть бедным. Приходится есть совершенно несъедобную пищу.

— Да не так! — воскликнула Зулейка. — Старайся, чтобы песок не попадал. По рисинке. Завтра я научу тебя варить похлёбку, горе моё. Кто тебя замуж возьмёт такую неумеху?

Зулейка что-то ворчала у костра. Лейла собирала рис. В душе желание бросить это занятие и указать Зулейке её место боролось со страхом, что за сопротивление её оставят одну в пустыне. Караванщик ведь сказал, что прислуживать дочери эмира здесь никто не будет. Да и не верили люди в то, что перед ними госпожа.

Лейла смотрела, как мужчины разгружают верблюдов, связывают им передние ноги, чтобы не ушли далеко в пустыню. У соседнего костра уже принялись за ужин. Слышались весёлые голоса, смех.

Наконец, похлёбка доварилась. У костра уселись погонщики, пришёл Рашид. Один из погонщиков стал разливать похлёбку в деревянные миски. Зулейка принесла лепёшки. Лейла взяла протянутую ей миску с похлёбкой, посмотрела на погонщика вопросительно, ожидая ложку. Зулейка села рядом, взяла миску со своей порцией.

Похлёбка была густой, жирной. Вместе с рисом в ней плавали крупные куски баранины. От похлёбки пахло тмином

и дымом костра. Привыкшая к дворцовой изысканной еде Лейла вдруг подумала, что никогда она не испытывала такого желания поскорее приступить к ужину.

— Вот так, — сказала рядом Зулейка, перехватив озадаченный взгляд Лейлы.

Девушка отломил кусок лепёшки, чуть согнула её, как лодочку, и, зачерпнув похлёбку, откусила кусочек. Лейла радостно улыбнулась и потянулась за лепёшкой. Ей казалось, что она никогда не ела ничего вкуснее пресных лепёшек с обожжёнными огнём чёрными краями и жирной, пахнущей костром похлёбки.

Молодой погонщик легко тронул Лейлу за плечо.

— Смотри, лисица, — тихо сказал он, указывая за спину Лейлы. Она обернулась.

Напротив стоял худой, длинноногий песчаный лис. Большие уши зверя смешно оттопыривались. Его манил запах похлёбки, но страх перед людьми заставлял пятиться назад. Лис беспокойно топтался на месте, не решаясь подойти и не желая уходить от места, где так вкусно пахнет.

Погонщик вынул из похлёбки кость и бросил лису. Зверь испуганно отскочил и пригнулся к земле. Но через пару минут, ведомый ароматом, подхватил кость и скрылся в темноте пустыни.

Лейла засмеялась. Отчего-то она была счастлива. Сидящие в кружке у костра люди не кланялись ей, не прятали глаза и не называли госпожой. Они делили с ней еду и воду,

тепло своих разговоров и сердец. И от этого было удивительно хорошо.

Ночь была звёздной, густой, прохладной. Насытившись, погонщики не спешили расходиться. Жалобно заиграла тростниковая флейта. Лысый старик, высушенный солнцем, как корявый ствол саксаула, что-то рассказывал своему молодому помощнику.

Зулейка чистила песком котёл, слушая вполуха разговоры у костра. Лейла сидела чуть поодаль, ожидая, когда можно будет вернуться в паланкин и уснуть. Жара долгого дня и сытный ужин обещали спокойный крепкий сон. Мимо шла молодая женщина с кувшином в руках.

— Чего такие хмурые? — весело спросила она. — Или Зулейка вас плохо накормила? Идите к нашему костру, там веселее.

Волосы у женщины были огненно-рыжими. Она не прятала лицо, а одежда на ней была тонкой, почти прозрачной. Каждый шаг сопровождался позвякиванием монеток, нашитых на одежду.

— Нам и тут хорошо, — отозвался погонщик в полосатом халате. — А ты станцуй нам, Амани. Повесели. Как знать, может у нас есть лишние монетки.

Женщина поставила на песок кувшин, развела в стороны руки и широко улыбнулась. Лейла слышала, как Зулейка заворчала что-то неодобрительное себе под нос. Флейта заиграла весёлую мелодию. К ней присоединился маленький ба-

рабан, вдруг возникший в руках лысого старика.

Амани медленно пошла вокруг костра, ритмично покачивая бёдрами. Зазвенели монетки на её одежде, попадая в такт барабана. Её руки словно лишились костей, такими плавными были движения.

Обойдя костёр, она подошла к двум молодым погонщикам, стоявшим у верблюдов и бросающим на танцовщицу выразительные взгляды. Резким движением она выхватила из ножен их сабли и подняла над головой. Амани засмеялась, тряхнула огненными волосами и закружилась, изгибаясь станом.

Сверкали клинки, ловя огненные блики. Развевались волосы танцовщицы. Мелькало упругое тело в разрезах и без того тонкой одежды. Лейла заворожённо смотрела на Амани.

Придворные танцы, которым обучали дочь эмира, были целомудренными и спокойными. В танцовщицу же словно вселился огонь костра, и вся она превратилась в языки пламени.

Барабан стучал всё быстрее. Амани всё быстрее трясла бёдрами, словно пыталась обогнать ритм барабана. Замолчала флейта. Погонщики стали хлопать в ладоши, помогая барабану.

Но Амани не отставала от ритма, и монетки на её одежде били в такт каждому резкому движению бёдер, будто сами задавали темп. Барабанщик гнал ритм всё быстрее, пытаясь обогнать её, но в ответ воздух рассекал стальной перезвон:

ЗЗЫК-ЗЗЫК, ЗЗЫК-ЗЗЫК...

Наконец, барабанщик поднял руки, показывая, что ему не угнаться за танцовщицей. Она тоже остановилась и засмеялась. Воткнула в песок клинки. Погонщики захлопали, закричали. Лейла тоже захлопала в ладоши, её переполнял восторг от красивого танца и огненной энергии Амани.

К ногам рыжеволосой женщины полетели монеты.

Рядом с Лейлой сел на песок старый дервиш. От него сильно пахло верблюдами и нестираной одеждой. Лейла чуть отодвинулась. Дервиш заметил, но не сказал ничего.

— Зулейка, не осталось ли похлёбки для старика? — спросил он.

— Нет, уважаемый, похлёбки нет. Ступай себе, — ответила Зулейка. — И вы давайте расходитесь. Скоро уже вставать, а ещё никто не ложился, — упрекнула она погонщиков.

— Дервиша прогонять, не накормивши — себе беду призывать, — сказал дервиш. — Унесёт тебя призрачный караван.

Старик медленно поднялся и повернулся прочь от костра.

— Что за караван, Хаким-ага? — спросила Лейла. — Похлёбки у меня нет, но я могу дать тебе немного фиников.

Она протянула старику горсть фиников.

— Разве это не твой ужин на сегодня, дочка? — спросил дервиш.

— Да, но я уже сыта и не хочу, чтобы меня унёс призрачный караван, — сказала Лейла.

Дервиш взял финики, уселся на песок.

— Слышал я от своего прадеда, а тот слышал от своего, что в пустыне ходит призрачный караван, — чуть нараспев начал рассказ дервиш. Тихонько заиграла флейта. Зулейка уселась рядом с Лейлой, закончив чистить котёл. — Ведёт тот караван чёрный старик. Глаза его давно потеряли зрение. В том караване сто верблюдов. Они нагружены золотом и дорогими товарами. Но все погонщики в нём мертвы. Это скелеты, прикрытые одеждой. Если встретить такой караван в пустыне, то все мертвецы примут вид дорогих путнику людей. Они заманивают в свой караван каждого, кто встречается им на пути. И тот, кто последует за ними, будет вечно скитаться по пустыне на мёртвом верблюде и охранять сокровища.

— Ты придумал это, чтобы напугать нас, — сказала Зулейка.

— А ты можешь проверить, вру я или нет, — хитро сказал дервиш. — Просто не покорми меня.

— Почему ты не идёшь к другому костру, Хаким-ага? Я ведь кормила тебя прошлым вечером, — сказала Зулейка.

— Ты вкусно готовишь, Зулейка, — похвалил дервиш. — Хорошая из тебя выйдет жена. Может сосватать тебя у твоего отца?

— Что за глупости говоришь, Хаким-ага? — возмутилась Зулейка.

Погонщики у костра засмеялись. Зулейка встала, достала

из мешка вяленое мясо и несколько сухарей.

— Вот, ешь. Да убережёт нас Всевышний от призрачного каравана и голодных дервишей.

Хаким довольно улыбнулся и принялся за еду.

— А что же ты молчишь? Говорят, ты называешь себя дочерью эмира. Почему такая важная госпожа путешествует одна? — спросил дервиш Лейлу.

Все присутствующие уставились на неё.

— Я и правда дочь эмира, — сказала Лейла. — Я живу в прекрасном городе Сафед из белого мрамора. Он стоит среди песков в чудесном оазисе.

— Почему же ты не дома? — не отставал дервиш.

— Над моим городом властвовал злой колдун, — ответила Лейла.

Она стала рассказывать свою историю. Сначала тихо, смущаясь от всеобщего внимания. Постепенно голос её окреп. Слушатели замерли у костра. Никто не перебивал её. Лейла рассказала обо всём, что с ней случилось.

Умолчала только о том, что загнала дива в кувшин, и принесла его с собой в караван. Как знать, может, люди испугаются нечистого духа и выгонят дочь эмира в пустыню? Когда Лейла закончила рассказывать свою историю, слушатели молчали некоторое время.

— Лгунья! — обиженно заявил див. — Получается, я выполнил два твоих желания? Ты должна мне одно, слышишь?

Лейла испуганно посмотрела на слушателей. Но никто не

слышал дива кроме неё.

— Никогда не слышал такой удивительной сказки, — сказал лысый старик.

Лейла улыбнулась и хотела сказать, что это не сказка. Каждое слово в её истории — правда. Почти каждое. Но не успела. Старик вынул монетку и бросил её через костёр. Монетка упала в песок у ног Лейлы. Она удивлённо посмотрела на старика, потом на монету.

— Это мне? — спросила она.

— Ты рассказала удивительную историю, девочка, — сказал погонщик. — Я словно снова стал мальчишкой, слушая её. Ты заработала эту монету.

Лейла подняла монетку. Повертела её, рассматривая изображение на металле. Первая в её жизни заработанная монета не была золотой. На неё нельзя было купить наряд или браслет. Но дороже этой монеты у Лейлы не было сокровищ. Она открывала ей настоящий путь к свободе.

— Спасибо, — прошептала Лейла, пряча монету в кармане бурнуса.

— Спать пора, — сказала Зулейка. — Расходитесь уже. Вон, остальные уже спят давно.

Погонщики нехотя стали расходиться. Поднялся дервиш. Лейла, всё ещё улыбаясь, направилась к паланкину.

Раскинувшаяся над пустыней ночь поражала своим величием. Казалось, звёзды горят на краю бархана. Просто протяни руку и возьми. Лейла присмотрелась.

Это были не звёзды. Жёлтый свет отбрасывали фонари. По бархану шли верблюды. Медленно, бесшумно переставляли они ноги. Люди, идущие рядом, держали фонари. Лейла видела их лица. Она удивлённо смотрела, не в силах поверить тому, что видит.

— Мариам, — прошептала она. И закричала изо всех сил: — Мариа-а-ам!

Лейла побежала догонять караван. Песок под её ногами осыпался, ноги скользили.

— Мариам, подождите меня! Отец! — кричала она, разглядывая в караване родные лица. Старый визирь Касым едущий на верблюде рядом с эмиром, обернулся на крик Лейлы. — Отец!

— Стой, Лейла, куда ты? — позвала её Зулейка.

Но Лейла не слышала. Поскальзываясь, она поднималась на бархан. Сердце её радостно колотилось. Её искали! Отец не бросил её в пустыне, он снарядил караван, чтобы найти непутёвую дочь. Она расскажет ему, что колдун мёртв, и повелитель простит ей побег. Ведь больше ни одна дочь эмира не станет приносить себя в жертву.

Эмир увидел её. Он радостно махал рукой, звал её подниматься скорее. Мариам хлопала в ладоши. Лейла видела наложниц отца, своих служанок и братьев.

— Стой, Лейла! — услышала она сзади голос дервиша. И вдруг упала в песок. Дервиш крепко держал её за ногу.

— Отпусти! — закричала Лейла. — Отпусти, это моя се-

мья! Я вернусь домой.

Она брыкалась, пыталась ударить старика свободной ногой. Но дервиш оказался на удивление сильным. Он подтянул Лейлу за ногу, схватил её за волосы. Она принялась извиваться, стараясь освободиться. Дервиш прижал к песку её голову. Лейла почувствовала шнурок на шее, испугалась, что сейчас её свяжут, и забилась ещё сильнее.

Но дервиш дал ей сесть, схватил за руку. Всё ещё вырываясь, она почувствовала, как дервиш сжимает её ладонь вокруг чего-то твёрдого. И вместо верблюдов и людей Лейла увидела белых скелетов, медленно идущих по бархану, держащих перед собой масляные фонари. Потрясённая, она перестала сопротивляться.

— Что это? Что это такое, Хаким-ага? — зашептала она.

— Призрачный караван. Я повесил тебе на шею амулет. Не снимай его, дочь эмира. Он поможет тебе видеть то, что не видят другие, — сказал дервиш, отряхивая одежду от песка.

— Духов? — прошептала Лейла, глядя вслед каравану.

— Правду.

— Как мне отблагодарить тебя? — спросила она, раскрыв ладонь и рассматривая амулет. Это была вырезанная из дерева рука с раскрытым глазом в центре ладони.

— Не благодари. Ты носишь у пояса бурю, а в душе огонь сожалений. Тебе амулет нужнее, чем мне. Когда встретишь того, кому он будет нужнее, чем тебе — отдай ему. Стоит

зажать амулет в ладони, и ты увидишь правду.

— Значит, твоя сказка была правдой? — удивлённо спросила Лейла.

— Как и твоя, — тихо ответил дервиш. — Как и твоя.

Лейла посмотрела на бархан. Каравана на нём не было. Сверкнули глаза пустынного кота. Где-то завывали шакалы. Из шатров выходили разбуженные криком погонщики. Подбежала Зулейка, стала поднимать Лейлу, причитая и жалуясь, как она испугалась. Лейла послушно пошла с ней к полосатому шатру. Она оглядывалась на бархан, мечтая снова увидеть лица родных людей. Но бархан был пуст.

Глава 7. Песчаная буря

Караван шёл по пустыне много дней. Лейла видела, как луна пропадала с небосвода, а потом росла, прибавляя каждую ночь немного к своему боку. Пока не стала снова круглой и жёлтой, как дыня.

Днём Лейла вместе с Зулейкой шла рядом с верблюдами. Первое время она поднималась в паланкин, когда сильно уставала. Но со временем делала это всё реже, стараясь не отставать от дочери караванщика. Теперь Лейла различала погонщиков, полностью скрытых одеждой, и знала их имена. Даже верблюды больше не казались ей одинаковыми.

Пустыня тоже была разной. Много дней караван шёл по огромным песчаным горам, которые сменялись каменистой равниной. Потом песчаное море взволновалось дюнами, поросшими скудной растительностью на радость верблюдам. Несколько раз по пути встречались оазисы и пересохшие колодцы.

Караванщик Рашид знал пустыню как собственный карман. Он умел читать по звёздам и направлению ветра. Он вёл караван в далёкий Шахрабад, город, за воротами которого до самого горизонта раскинулось море.

Сначала Лейла думала, что над ней потешаются, рассказывая о море. Никто не верил в то, что она дочь эмира, и придумали для неё сказку, чтобы подразнить. Разве может

быть столько воды, чтобы волны по высоте равнялись с барханами?

— Скажи, Хаким-ага, правда то, что люди говорят о море?

— спросила она дервиша, немного отстав от Зулейки.

— А что они говорят? — спросил старик.

Он опирался на посох, но шёл быстро, не отставая от погонщиков.

— Что море больше пустыни. Что его волны похожи на барханы из воды, — ответила Лейла, немного смущаясь.

— Правда, дочь эмира. Это всё правда. А ещё воду из него нельзя пить, — улыбнулся дервиш, от его глаз разбежались морщинки.

— Как это? — удивилась Лейла. — Зачем тогда столько воды?

— Это только Всевышнему ведомо. Солёная в море вода. И живут в нём диковинные рыбы, размером с дворец.

— Ты обманываешь меня, Хаким-ага? — засмеялась Лейла.

— Зачем мне это? У тебя ведь есть амулет. Сожмёшь его в руке и будешь знать правду. А если я совру, ты ещё расскажешь остальным, что я врун. Такой стыд мне не пережить, — весело ответил дервиш.

— А ты видел море, Хаким-ага?

— Видел. Оно прекрасно, Лейла. Между морем и пустыней стоят высокие горы. Они покрыты лесом, а на вершинах лежит снег даже летом. Когда я дойду до Шахрабада, то

останусь там. Поселюсь в какой-нибудь рыбацкой деревне, буду жить у моря. Слушать, как оно поёт.

— Как бы я хотела увидеть море, — мечтательно улыбнулась Лейла. — И огромных рыб.

— Скоро увидишь. Рашид живо нас туда доведёт. К концу лета там будем.

— Приходи к нашему костру вечером, дедушка Хаким, — пригласила Лейла. — Сегодня я сама буду варить похлёбку.

— Дедушка... — улыбаясь повторил старик. — Так меня давно никто не называл. Спасибо, Лейла.

Лейла вернулась к Зулейке. Та шла рядом с погонщиком Али, о чём-то весело разговаривая. Когда подошла Лейла, Али отошёл к верблюдам.

— О чём ты шепталась с дервишем? — спросила Зулейка.

— О море. А ты с Али?

— Много будешь знать, скоро состаришься, — ответила Зулейка.

Лейла обиженно на неё посмотрела.

— Ладно, только не говори никому, — сказала Зулейка, заметив, что Лейла обиделась. — Смотри...

Она подтянула рукав и показала тонкий серебряный браслет, украшенный маленькими бирюзовыми камушками.

— Красивый, — вежливо похвалила Лейла, всё ещё чувствуя обиду.

Разве кто-то мог позволить себе так разговаривать с ней, когда она была госпожой?

— Это Али подарил, — заговорщическим тоном продолжила Зулейка, глядя в спину идущему впереди отцу. — Он хороший, нравится мне. Но отец не хочет мне такого мужа. Говорит, что выходить замуж за караванщика, значит, всю жизнь ждать, когда он вернётся из пустыни на пару дней, чтобы снова уйти в пустыню.

Лейла посмотрела на неё удивлённо. Она ведь не замечала... А Али всё время старается оказаться рядом с Зулейкой, помочь ей снять тяжёлый тюк с верблюда, повесить котёл над огнём... Лейла взяла Зулейку за руку, не зная, что сказать. Отцы решают судьбы дочерей, так устроен мир. Она сама бежала от такого решения.

— А может вам убежать вместе? — тихо спросила она.

— Убежать? Отец проклянёт меня, — покачала головой Зулейка. — Но если Али разбогатеет, он купит лавку и станет торговать тканями или специями. Тогда мы сможем быть вместе. Но до этого ещё много лет пройдёт. Я стану старая, как дервиш Хаким.

— Если бы я могла вернуться домой... Я дала бы тебе столько золотых монет, что вы с Али купили бы не только лавку, а весь базар, — грустно сказала Лейла. — Я позвала на ужин дедушку Хакима. Знаю, сегодня я должна приготовить ужин сама, но ты ведь присмотришь?

— Боишься, что будет невкусно? — улыбнулась Зулейка. — Не бойся. Погонщики так устают к вечеру, что и не заметят, если забудешь что-то положить. Сегодня будем спать

под крышей. Скоро покажется Бахруд.

— Мы ночуем в городе? — обрадовалась Лейла.

Неужели можно будет спокойно выспаться в караван-сарае? И еще хамам... Привыкшая к частому омовению и чистой одежде дочь эмира страдала от вездесущего песка и пыли.

— Не совсем, — ответила Зулейка. — Бахруд давно мёртвый город. Когда-то вода ушла из него, и люди тоже ушли. Теперь там развалины. Но всё равно лучше, чем открытая пустыня.

Лейла разочарованно кивнула. Во дворце ей по первому требованию приготовили бы хамам. Служанки умастили бы тело розовым маслом. Лейла вытянула руку, рассматривая загоревшую кожу и мозоли на ладонях. Теперь никто не поверит, что перед ним госпожа. Но зато Лейла уже умела замешивать тесто для лепёшек и готовить жирную рисовую похлёбку с бараниной. Вчера Зулейка показывала, как доить верблюдицу, но Лейла никак не могла себя заставить взяться за сосок.

— Ну чего ты боишься? — с досадой спрашивала Зулейка. Они стояли рядом с верблюдицей. Под ней уже ухватился за сосок верблюжонок. — Вот так... Берёшь... И доишь...

Верблюдице связали ноги, чтобы она не ударила неумеху-Лейлу. Животное нервничало, не понимая, почему вокруг столько суеты.

— Я не могу, — Лейла спрятала за спину руки.

— А шубат пить можешь?

— Пить могу. Доить не могу, — упрямо покачала головой Лейла.

Сдвоенное молоко помещали в кожаный мешок, добавляли в него закваску, и через несколько часов был готов шубат — желтоватый сытный напиток. Он утолял и голод, и жажду. Лейле он казался вкуснее гранатового щербета. Но взяться за сосок верблюдицы она не могла даже ради напитка.

— Тогда иди собери навоз для растопки, — велела Зулейка, принимаясь за доение.

Если бы кто-то сказал дочери эмира, что однажды она станет выбирать самый сухой верблюжий навоз, его бы казнили.

Лейла грустно улыбнулась воспоминаниям.

— Смотри, вон стены Бахруда показались, — сказала Зулейка. — Сейчас приготовим еду и сядем у костра, — мечтательно добавила она. — А там и ночь... Как же я устала.

Лейла посмотрела вдаль. Среди песка возвышались остатки коричневых стен. Видно было несколько строений без крыш. Пустыня засыпала город почти целиком, превратив дома в песчаные горы. Торчал среди этих гор минарет. Идущий впереди Рашид остановился и обернулся. Приложил ладонь ко лбу. Остановились верблюды. Погонщики стали оборачиваться.

— Что случилось, Рашид-ага? — крикнул Али.

— Буря идёт, — ответил караванщик. — Надо спрятать животных. Уложить под стены и замотать морды. Поспешите.

те!

Лейла обернулась и посмотрела на горизонт.

— Зулейка, я ничего не вижу.

— Вон, полоса жёлтая над горизонтом. Дымка мутная, видишь? Скоро здесь будет. Надо спешить, — голос у Зулейки был взволнованным.

Стало очень тихо. Природа как будто затаилась в страхе перед бурей. Погонщики гнали верблюдов к развалинам. Животные нервничали, фыркали.

Общее волнение передалось Лейле. Она спешила со всеми спрятаться от надвигающейся бури. Оглядываясь назад, она видела, как горизонт мутнеет, окрашивается в темно-охристый цвет.

Верблюдов загнали за стены, стали снимать поклажу. Погонщики складывали тюки у стены. Рядом укладывали животных, кто-то наматывал верблюдам платки на морды, пряча под ткань глаза и ноздри.

Зулейка стащила с верблюда тюк, кинула на песок.

— Лейла, тащи вон в тот дом, — бросила она через плечо и потянулась за следующим тюком.

Лейла потащила тюк в дом. Ей даже в голову не пришло возмутиться или отказаться от перетаскивания тяжести. Страх оказаться без укрытия во время песчаной бури был громче гордости.

Дом выглядел крепким. У него даже была крыша. Лейла втащила тюк в пустую комнату, осмотрелась. В углу печь,

закопчённая стена. Разломанная тахта у стены. Маленькие узкие окошки. Из потолка торчал крюк, на котором когда-то висела колыбель. Вошла Зулейка с тюком.

— Вот, у нас будет что есть, если буря затянется.

Снаружи налетел порыв ветра. Побежал по полу песок тонкими струйками, как вода. Небо над городом стало коричнево-жёлтого цвета. Поблёлкло солнце, словно его закрыли грязным стеклом.

Лейла выглянула в окно. От горизонта на них двигалась уходящая в небо огромная песчаная гора. Лейла села на пол, прижалась спиной к стене. От страха колотилось сердце, похолодели пальцы. Порывы ветра становились сильнее. Буря выла, гудела. Что, если стены старого дома не выдержат? Обрушится им на голову крыша и песок погребёт людей заживо.

В дом вбежал Али, уселся на пол рядом с Зулейкой.

— Покормила бы, красавица, — улыбнувшись сказал он.

— Скоро так заметёт, что рта не откроешь.

— Терпи, остальные ещё на улице, — отказала Зулейка.

— Ты чего раньше всех пришёл?

— Да идут остальные, — отмахнулся Али и закрыл нос платком. Стал поднимать доски, оставшиеся от тахты, и закрывать ими оконный проём.

В дом входили погонщики. Уселась рядом с Лейлой Ама-ни. Дервиш и Рашид вошли последними, сели у выхода, чтобы видеть верблюдов. Животные жались друг к другу, реве-

ли, чувствуя бурю.

И она пришла. Жёлтой колючей волной накрыла она развалины старого города, верблюдов и прячущихся в брошенных домах людей. Не стало неба, земли, воздуха. Песок теперь был повсюду.

Амани принялась молиться, упрасывая Всевышнего укрыть их от смертоносного песка. Лейла слушала, как танцовщица клялась начать праведную жизнь, торговалась, обещала не пропускать больше ни одной молитвы.

Зулейка сидела молча. Али нашёл её руку в складках бурнуса и сжал в своей ладони. Иногда стены сотрясались от ветра, и, казалось, их укрытие сейчас рухнет и станет им могилой. Следующий порыв принёс в дом пряный запах специй. Рашид покачал головой, глядя на улицу.

— Тюк растрепало, — выкрикнул он. — Кто не укрепил?

Али вскочил с пола, намереваясь погнаться за тюком со специями.

— Сядь на место! — приказал Рашид. — Унесёт ветром, где нам потом тебя искать? Пусть пустыня специи забирает, раз уж так случилось.

— Пусть будет во благо, — эхом отозвался дервиш.

Али сел, опустив голову. Рашид и так злился на него за ухаживания за Зулейкой. А тут ещё такой убыток. Выгонит из каравана, когда придут в Шахрабад. Не видать ему больше Зулейки.

На улице стремительно темнело. Лейла не знала, сколько

времени они сидят на полу старого дома. Она натянула бурнус на голову, укуталась в него целиком.

— Див, — тихо позвала она. — Сколько длится песчаная буря?

— Это зависит от того, кто из моих братьев женится, — проворчал див. — Песчаная буря — это свадьба дива пустыни. А мы любим погулять с размахом. Пока не устанут танцевать — буря будет продолжаться.

— У тебя есть братья? — удивилась Лейла.

— А ты думала, только у тебя есть семья? — язвительно спросил див.

Лейла замолчала. Она унесла дива из его дома, лишила семьи. По её вине он оторван от всего, что любил. От понимания этого на душе стало так тоскливо.

— Див, поклянись, что не причинишь вреда мне и моим спутникам, и я выпущу тебя из кувшина, — пообещала она. — На свадьбу брата успеешь.

— Выпустишь? Клянёшься? — обрадовался див.

— Клянусь! — уверенно сказала Лейла и сжала в ладони амулет.

— Клянусь, что как только выйду из кувшина, я убью всех, кто сидит под этой крышей, — скороговоркой произнёс див и замолчал. Через некоторое время повторил: — Клянусь, что убью всех... Клянусь, что убью...

— Я поняла, див, — прошептала Лейла.

— Клянусь, что убью всех... Женщина, ты что сказала ка-

кое-то заклинание? Почему я говорю не то, что хочу сказать?

— Лейла. Меня зовут Лейла, — улыбнувшись ответила Лейла и поцеловала амулет. Он только что спас всех от верной смерти.

Лейла вспомнила, как амулет показал ей правду о призрачном караване.

Она высунула голову из бурнуса, и сжимая в ладони амулет, посмотрела туда, где в темноте был дверной проём. В гудящей черноте она увидела золотые всполохи.

Приглядевшись, стала различать огромные руки и ноги.словно золотые великаны танцевали быстрый танец под вой ветра. В однообразном шуме слышался звон бубна и стук барабана. Издалека запела флейта.

Чей-то смех сливался с песней бури. В темноте возникло огромное лицо, сотканное из светящегося золотого песка. Глаза-дыры уставились на Лейлу. Она спряталась под бурнус, обещая себе не высовываться до конца бури.

На улице что-то загрохотало. Очередной порыв ветра выбил доски, которыми Али закрыл окно.

Лейла привалилась спиной к стене, закрыла глаза. Она унеслась воспоминаниями в великолепный дворец из белого мрамора, в котором провела свою короткую жизнь, думая, что этот мир и другие люди созданы Всевышним, чтобы исполнять её прихоти.

Там по дорожкам между фонтанов ходят павлины, распутив роскошные хвосты. Там ночь тиха и пахнет жасмином.

Там её любят и ждут. Она обязательно туда вернётся. Убаюканная воем ветра, Лейла уснула.

Утром её разбудили голоса. Лейла открыла глаза. Буря стихла. Из двери лился в дом яркий солнечный свет. Али у входа спорил с кем-то. Лейла вскочила, испугавшись, что проспала. Все уже заняты делом, а она всё ещё видит сны.

Она вышла на улицу, поискала взглядом Зулейку.

Буря изменила окружающий пейзаж. Ветром расчистило старую мечеть, почти не тронутую разрушением. Рядом стоял засыпанный песком колодец, на котором всё ещё висел обрывок верёвки. Соседний дом спрятался под песчаной горой.

Погонщики поднимали верблюдов, чистили от песка тюки. Зулейка уже развела костёр и повесила большой котёл. Лейла поспешила ей на помощь. Сердце ликовало: они живы!

Глава 8. Мёртвый город Бахруд

Рашид решил задержаться в мёртвом городе ещё на день. Людям и верблюдам нужен был отдых. Али снова приладил доски к окошку в доме, где спасались от бури. Зулейка, поручив Лейле следить за едой, улеглась отдохнуть в доме на тюфяке, прячась от дневного зноя. Рашид покрикивал на погонщиков, очищающих от песка тюки с товаром. Отовсюду были слышны голоса, ревели верблюды. Запахло бараниной, медленно томящейся в котле над огнём. В мёртвый город Бахруд словно опять вернулась жизнь.

Лейла старательно вытряхнула песок из одежды и волос. Сейчас она отдала бы все богатства мира за возможность вымыться и переодеться. Исколотая песком кожа болела.

Сидеть возле котла было скучно. Жёсткое мясо будет томиться ещё долго. Лейла помешала будущую похлёбку и решила, что мясо может довариться и без её участия. Она огляделась.

Вокруг мёртвого города лежала бесконечная пустыня. Такая же бесконечная, как путь домой. Лейла прошла мимо засыпанного колодца и вошла в мечеть, освобождённую из-под песка ночной бурей.

Её купол, когда-то покрытый голубой майоликой, теперь был наполовину ободран, но всё ещё сохранял остатки бывшего величия. Высокие арки, украшенные изящными арабес-

ками, и мерцающие остатками цветной мозаики, поражали своей красотой даже теперь.

Внутри царила торжественная тишина. Пол, усыпанный песком и обломками плитки, когда-то был покрыт ковром. На стенах виднелись фрагменты арабесок — тонкие золотые линии, переплетающиеся с цветами лотоса и виноградными лозами. В центре, где когда-то стоял михраб, теперь была пустота, но над ней всё ещё сохранился кусок купола с остатками звёздного узора.

Лейла произнесла короткую молитву и села на пол, рассматривая рисунок на стенах, сохранённый песком через многие годы. Ей всё казалось, что она выйдет на улицу и увидит людей, живших здесь когда-то.

— Кто вы были... — прошептала она. — Те, кто молился здесь? Куда вы ушли? Остались ли у вас дети, которые помнят этот город? Тоскуют ли они по нему, как я тоскую по Сафеду?

Из кувшина послышался тихий смех.

— О, принцесса... Опять плачешь? В пустыне слишком мало воды, чтобы так расточительно с ней обращаться, — язвительно сказал див. — Эти люди ушли сотню лет назад. Некоторые — в пески, некоторые — в могилы. А ты сидишь здесь и думаешь, что можешь понять их жизнь. Как трогательно. Как наивно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.